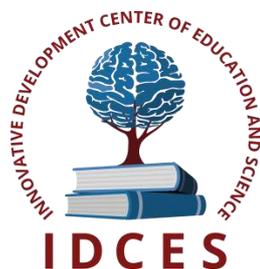

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Основные проблемы гуманитарных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 октября 2016г.)**

г. Волгоград

2016 г.

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Основные проблемы гуманитарных наук, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Волгоград 2016. 101 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семёновна (г. Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г. Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г. Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г. Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г. Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г. Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г. Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г. Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г. Москва)

В сборнике научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г. **Волгоград** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	7
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	7
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	7
ПОТЕРЯННЫЕ МИРЫ И СЛАДКИЕ ГРЕЗЫ РОССИЙСКОЙ ПОП-МУЗЫКИ 1980- НАЧ. 90-х ГОДОВ Антипова Ю.В.	7
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	10
INTELLECTUAL NARRATIVE IN TV DOCUMENTARIES Smetanina S. I.	11
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	13
ТЕХНИКА ПАСТЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ Монахова М.А., Семёнова М.А.	13
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	18
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	18
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИННОВАЦИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ Диева О.Н.	19
СОЗДАНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ С ПОМОЩЬЮ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ТРАНСФОРМИРОВАНИЯ МОТИВА В ПРОГРАММЕ PHOTOSHOP Гркикян А.О.	24
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	28
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	28
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	28
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	28
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	28
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	28
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	29

«ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ: К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ Богданова О.В.	29
ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТИКИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» Павленко И.В.	33
СЕКЦИЯ №11. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02).....	41
СЕКЦИЯ №12. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03).....	41
СЕКЦИЯ №13. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08).....	41
ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ «ГОТИКЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА) Напцок Б.Р.	41
СЕКЦИЯ №14. ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	50
СЕКЦИЯ №15. ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	50
SMM И ЖУРНАЛИСТИКА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Кузьмина М.А., Фролова Н.М.	50
СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СПОРТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Фомичёв С.А., Фролова Н.М.	52
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	56
СЕКЦИЯ №16. РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	56
СИСТЕМНАЯ ОГРАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «МУЖЧИНА» Дадаян Л.Р.	56
НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ) Лановая Т.В.	60
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖАРГОНИЗМОВ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ 1990-х гг.) Лонская А.Ю.	65
СЕКЦИЯ №17. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	68

ФОРМА НЕДАВНОПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ХАКАССКИМ, АЛТАЙСКИМ И ТУВИНСКИМ ЯЗЫКАМИ) Ефремов Н.Н.	69
СЕКЦИЯ №18. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03).....	72
СЕКЦИЯ №19. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04).....	72
УЧЁТ СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕРМАНИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ - МЕЖДУНАРОДНИКОВ Беляева И.Г.	72
СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» И «ДИСКУРСИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВОЙНЫ» Королева Т.А.	76
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Панасюк И.В.	80
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ВЕТЕРИНАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ) Чупракова О.В.	84
СЕКЦИЯ №20. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05).....	89
СЕКЦИЯ №21. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14).....	89
СЕКЦИЯ №22. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19).....	89
СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАВАЙСКОГО АНГЛИЙСКОГО КРЕОЛЯ) Крылова И.А.	89
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕКЛАМЫ В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ Рыбочкина Ю.Л., Титова Г.А.	93
СЕКЦИЯ №23. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	97
СЕКЦИЯ №24. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	97

СЕКЦИЯ №25. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22).....	98
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД.....	99

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

ПОТЕРЯННЫЕ МИРЫ И СЛАДКИЕ ГРЕЗЫ РОССИЙСКОЙ ПОП-МУЗЫКИ 1980- НАЧ. 90-х ГОДОВ

Антипова Ю.В.

Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки,
г. Новосибирск

Перестроечное приобщение к западным ценностям, эйфория от вдруг нахлынувших свободы и гласности, последующее разочарование россиян в завоеваниях демократии и законах рынка породили особую атмосферу и настроения последних десятилетий XX века. Наиболее чутко реагирующая на духовные запросы массового сознания музыка т.н. «третьего пласта» (термин В. Конен) откликнулась десятками поп- и рок-композиций, которые ныне составляют «золотой фонд», evergreen-хиты отечественного масскульта, перепеваясь на множествах ретро-радиостанций, фестивалей, концертах, дискотеках 80-х и 90-х. Если представители рок-движения отличались все больше протестными выпадами и болезненными эмоциями, то поп-музыка оказывала скорее терапевтический эффект и породила специфические образно-семантические сферы: ностальгично-светлую, буйно-разухабистую, наивно-инфантильную. Все они, с одной стороны, – результат саморефлексии и адекватного отражения «народных» умонастроений. С другой, – моделирование (конструирование) желаемого, мира новых возможностей и счастливых шансов.

В многообразии композиций эстрадных исполнителей и поп-групп периода 1980-х различима их принадлежность к двум противоположным полюсам: советской массовой и новой российской песне. Наиболее наглядно подобное разделение можно наблюдать на ежегодных «Песнях года», в которых маститые мэтры советской эстрады перемежаются с исполнителями нового формата. В числе первых – Ю. Антонов, В. Евдокимов, И. Кобзон, Л. Лещенко, В. Толкунова. Их исполнение - без лишних движений, в рамках концертной

статике - направлено на донесение всё еще советских художественно-этических смысловых мотивов через благородное декламирование, относительно академическую вокализацию мелодии. В числе вторых – представители нового поколения (А. Глызин, Е. Белоусов, Е. Семенова). Физически более раскованные, с характерными прыгающими повадками, они несли энергию дансинга (в быстрых композициях) или гипертрофии лирического переживания (в т.н. «медляках»).

Хиты тех лет «Зимний сад» (А. Глызин, 1989), «Седая ночь» («Ласковый май», 1988), «Яблоки на снегу» (М. Муромов, 1988), «Сибирские морозы» (В. Кузьмин, 1995) настойчиво отсылают к топосу *зимы* как конца жизни, увядания, тоски по теплу и весне. Ощущение финала, предела, светлой памяти о хороших временах – неизбежное настроение для многих «классических» композиций постперестроечной российской поп-музыки, буквально утопающей в миноре. Во многих песнях царит сожалеательно-ностальгическая атмосфера, культивируя настроения потерянного счастья и безысходности. Такова «Не плачь, Алиса» (гр. «Сталкер», 1991) о тяжелом расставании с детством: наступившее взросление отождествляется с прощанием («Прощай, Алиса»), «праздником вчерашних детей» и «погасших звезд», утверждаясь как потеря невинности и покоя. Начальная интонация малой сексты отсылает к семантическому комплексу элегических романсов, в то время как бодрый отыгрышный мотив (I-II-III-II-I-VII-I) привносит конфликтный танцевальный оттенок. Шлягером-шедевром, сохранившим популярность по сей день, стала композиция «Белые розы» гр. «Ласковый май», наглядно представляющая жанр современных сиротских песен. Спекуляция на детдомовском происхождении всех участников коллектива, тема брошенных зимой нежных цветов как нельзя лучше отразила состояние целой страны, граждане которой окунулись в жесткие социально-экономические условия. Интонационные ходы мелодии песни имеют в своей основе фольклорные праистокки (широкие ходы на квинту и септиму, натурально-ладовая основа большинства оборотов), ритмический же компонент модернизирует «традиционные» выразительные средства обилием стучащих фигур. Характерные признаки «грусти-тоски» (настойчивое утверждение минора, ниспадающие терции в окончаниях фраз) под бодрые попсовые забивки убедительно олицетворяют российскую незыблемую веру в «Прорвемся!».

Особую группу песен составляют те, что обыгрывают тематику далеких стран и земель. Притягательными становятся многочисленные прощания-мечтания об Америке («Американ бой» гр. «Комбинация»), Париже, Лондоне, Сан-Франциско (гр. «Кармен»), Гималаях (М. Распутина), Китае, Бразилии («Это Китай», «Рио-де-Жанейро» Н. Гулькина). Припев одной из них мог бы стать девизом страны:

*Я буду плакать и смеяться,
Когда усядусь в Мерседес.
И буду в роскоши купаться,
Приезжай поскорей за мной, я здесь!*

Этнические элементы в композициях о «чужих» мирах проявляются минимально, что присуще усредненной стилистике поп-сцены в целом. В «Американ бой» соло на балалайке бессильно сдается под натиском агрессивных рок-гитарных басов. В связи с Францией мелькает отыгрыш на аккордеоне, в связи с Бразилией звучит цитата «Бомбалею» и модный ламбадный аккомпанемент.

Масса песен воспекает ничтожно малые события и чувства, муссируя «ценности» от колечка-сердечка до «двух кусочков колбаски». Душевные переживания в связи с многочисленными Лёхами, Ксюшами (А. Апина), Светками («Розовые розы» гр. «Веселые ребята») или просто девчонками («Девочка моя синеглазая» Е. Белоусова) и бухгалтерами («Бухгалтер» гр. «Комбинация») по своему разворачивают тему нового «маленького» человека – вне какой-либо идеализации и советского штриха высоконравственности.

Эмансипируется страдательность, личная боль и отчаянность, как правило, в неброском, житейски-неприглядном проявлении. В подобных композициях – широко распетые мелодии по развернутым во всей своей безысходности минорным трезвучиям («Не плачь!» Т. Булановой, 1993), почти криковая, с дрожанием в голосе манера пения («Больно мне, больно» В. Казаченко, 1991), тотальные щемящие секунды в концах фраз, словно в списанные с горестной народной «Тонкой рябины» («Дым сигарет с ментолом», гр. «Нэнси», 1992).

Заметно меняются тембровые приоритеты. Если в советское время преобладали чистые, поставленные голоса исполнителей, то теперь в моде своего рода тембровое «опрошение»: лидирующие позиции занимает пение с хрипотцой, словно дилетантское, порой доведенное почти до шепота, что добавляет оттенок интимности, приватности, антипубличности (таковы голоса Т. Овсеенко в хите 1995 г. «Дальнобойщик», начинающей К. Орбакайте в «Поговорим», 1993). На другом полюсе – яркие криковые манеры, идущие от кабацких разгульных песен (М. Распутина, В. Цыганова), олицетворяющих пресловутое российское пьянство, тягу к кутежам и лихачеству.

И – в завершение. Осмысление, творческие и обывательские рефлексии поп-музыки перестроечного и постперестроечного периодов продолжается по сей день, образуя мощную ретро-тенденцию в русле отечественной массовой культуры (достаточно

называть цифры, свидетельствующие о количестве просмотров роликов тех лет; для примера: «Седая ночь» Ю. Шатунова имеет более 18 млн. на ресурсе YouTube). Поразительны лирические комментарии пользователей: «Мурашки по коже», «Все тлен, главное мои 17 в далеком 95 и первая любовь!». Или: «Эта песня из нашего прошлого, из того прошлого когда мы не имели железных дверей, не имели решёток на окнах, не делили друг друга на богатых и бедных, когда мы знали всех соседей не только по лестничной клетке, но и по дому и даже району...». «Начало 90-х, развал СССР, перестройка, бардак, но выжили, выстояли, переродились. Но то время уже не вернуть...». Эпоха «до-гламура», несмотря на давно пришедшее понимание самых негативных процессов в социально-экономической, политической, культурной областях, видится многим духовно более здоровой, искренней, «настоящей», что позволяет удерживать повзрослевших старых поклонников и привлекать совсем юное поколение. Популярные песни конца 80-х – нач. 90-х годов прошлого столетия сохраняются как знаковое и распознаваемое явление массовой музыки и демонстрируют особенности умонастроений своей эпохи – эпохи перемен.

Список литературы

1. Адорно Т. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 445 с.
2. Конен В. Дж. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. М.: Музыка, 1994. 160 с.
3. Чередниченко Т. В. Поп-музыка / Корневище ОА. Книга неклассической эстетики. Автор проекта В.В. Бычков (член редколлегии Н.Б. Маньковская) М., Изд. ИФ РАН, 1999. С. 224.

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

INTELLECTUAL NARRATIVE IN TV DOCUMENTARIES

Smetanina S. I.

St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

A special role of the narrator is what unites three series of programs on Russian culture on the *Rossiia-Kultura* TV channel that focuses on the arts and culture: a collection of literary monologues of various years by the Russian literary critic and scholar Irakly Andronikov (directed by M. Shapiro, 1959), Yuri Lotman's conversations about Russian culture (directed by E. Khaponen, the late 1980s), and Paola Volkova's world art series *Bridge over the Abyss* (directed by A. Zaitsev, 2011 – 2012). The narrator's role determines the storytelling organization of the text that focuses on conveying new information to the viewer about literature, history, and the art of narrative. This strategy is based on understanding and experiencing facts of culture as events of one's life. "These 'cultural narratives' provide important clues to the world they talk about" [1, c. 190].

Different in montage techniques and footage (archival documents, photographs, art reproductions, literary and film quotes, and bibliographic remarks), the Andronikov, Lotman and Volkova documentary series represent multilayer narratives. The choice of events and their sequence are determined by the logic of thought production shaped by the personality of each scholar.

Irakly Andronikov made portraits and old photographs come to life by a masterful impersonation of imaginary characters who were part of the events of the past. As if following Russian publicists who said that it did not matter at all what means were used to promote scientific ideas "even if to enter public consciousness those ideas would need a witticism or Shchedrinian playfulness" [2, c. 132], Andronikov, a writer and literary scholar, could indulge in self-irony over his wrong hypotheses and later applaud himself for solving a mystery hidden in the autographs of the subjects of his literary investigations. The impromptu nature of his stories and the color of his conversational style fit perfectly the name of the TV series, *Spoken Stories*.

Tartu University Professor Yuri Lotman chose the genre of conversation for his cultural series. Lotman almost invariably spoke from his home ensconced either in his office or library. The founder of the semiotics of culture creates the narrative intrigue by shifting the focus of his and his viewers' attention from the whole to its parts when he explains a concept. Then, he finds original notions for the concept and provides illustrations from his life or the life of literary characters or historical figures. When he explains the concept of culture he uses the notions of "a slum complex" and "an occupier's complex". In his view, these psychological conditions reveal

themselves through rude behavior causing the person to “fall out of the cultural tradition”. Professor Lotman illustrates his point with a story from his life when he came across manifestations of the occupier’s complex during the Second World War. The focus of his talk about balls in pre-Revolutionary Russia is an episode from Leo Tolstoy’s *Anna Karenina* in which Alexei Vronsky invites Kitty Shcherbatsky for a round of cotillion. But she is expecting him to invite her for a mazurka as well. During that dance, the word that leads to an engagement can be uttered. The young officer invites Anna Karenina instead. An explanation of why a mazurka rather than a cotillion implies a serious conversation replaces the storyline progression. Each of these detours from cultural issues to autobiographical sketches and literary quotes makes the entire narration more intimate: Lotman the scholar loses his academic confidence and stops looking at the camera. His eyes are directed away from the viewer at the people on set instead, in search of an emotional reaction; his intonation reveals irony, surprise, anger or regret.

Dominating in Paola Volkova’s talks about world art masterpieces is her phrase addressed to the viewer, “I would like to tell you about this piece of art something that would bring you closer to it”. The connection between art and private life is formed by the free movement of the author in space and time. Volkova’s intellectually intense talk about spiritual practices of silence in Old Russia is suddenly interrupted by an emotional commentary of how much we need “silence now. We always need it, perhaps, especially during the times of troubles. During the time of internal division. And mutual hatred. But when brothers stand against one another...”. An art critic and historian, Paola Volkova uses a metaphor in the title of her TV series, *Bridge over the Abyss*. Employing aesthetic and poetic terms in her interpretations of art objects, she carefully releases them from the grip of semantics to the realm of literary images. She communicates the meanings of Andrey Rublev’s *Trinity* by imitating the narrative stylistics of hagiology. Even the icon’s color scheme is interpreted through spiritual and moral concepts: “Father Pavel Florensky viewed color as cleanliness and an expression of morality. He talked about Rublev. Rublev had moral color”. Although extended descriptions of Volkova as a narrator often breaks the traditional storytelling technique, TV fills the gap of a missing storyline through expressive means of cinematographic narrative.

The TV monologues by Irakly Andronikov, Yuri Lotman and Paola Volkova all bear the mark of their personality. However, they are all united by the fabric of a TV documentary. The integrity of this fabric is based on the authors’ monologues, which follow the storyline, their ability to make non-narrative fragments (reasoning, definition and classification of concepts) serve the goal of creating an intellectual intense story that enriches our knowledge about the world.

References

1. Burke P. What is cultural history: translated from English by I. Polonskaya. Moscow: Higher School of Economics Press, 2016. – 240 pages.
2. Pisarev D. I. Literary Criticism. Vol. 2. Leningrad: Belletristic Literature, 1981.– 465 pages.

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

ТЕХНИКА ПАСТЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

Монахова М.А., Семёнова М.А.

(Монахова М.А. - магистрант направления педагогическое образование;
Семёнова М.А. - д.п.н., профессор кафедры живописи и композиции)

ГАОУ ВО МГПУ ИКИ

Технические возможности пастельной живописи в развитии творческих способностей учащихся весьма велики. Пастель самодостаточный материал, замечательная техника, легкая в своем использовании. Удивительно, но на уроках рисования в школах пастель используется только как дополнительный материал, всего лишь на нескольких уроках в начальной школе, или вообще не используется. «Важно, чтобы педагог-художник на занятиях по изобразительному искусству использовал как традиционные приёмы работы..., так и творческие» [2, с. 85]. Старшеклассникам для изучения живописи, в основном предлагается гуашь, иногда акварель. В дошкольных учреждениях присутствуют занятия с восковыми мелками, в программе всего несколько таких уроков. Если мы говорим о заинтересованности детей в творческой деятельности, нам необходима «ситуация успеха» в которой ребенку станет интересно развиваться дальше, иначе ему надоест занятие изобразительным искусством. Для создания такой ситуации необходимо обеспечить ребенка таким материалом, который даст нужный результат. В нашем случае, яркий след в душе ребёнка, оставит работа в технике пастельной живописи. Для развития творческих способностей учащихся при работе с пастелью на уроках изобразительного искусства мы проводим мастер-классы,

на которых подробно рассказываем и показываем этапы выполнения работы в технике пастельной живописи «Показ преподавателем отдельных приёмов изображения – это почти мгновенная выразительная иллюстрация в подтверждение сказанных слов» [5, с. 79].

Для ребенка очень важен цвет, насыщенный цвет. «Цвет – одно из самых важных художественных средств в создании образа» [1, с. 94]. Маленьким детям очень сложно добиться яркого цвета с помощью карандаша, приходится с усилием много раз водить по одному и тому же месту. А если дать ему в руки мелок, не придется с таким усердием давить не него, след и так яркий. Можно показать, как мелок рисует, если положить его на бок, тогда остается широкое пятно (можно нарисовать всю дорогу, небо или дом одним движением). И уже тогда в самом раннем детстве малышу будет интересно познавать мир изобразительного искусства.

Красота пастели, ее бархатистость пленяли многих художников, предоставляя огромный диапазон для творчества. Мастер пастели Э. Дега говорил: что пастель позволяет ему стать «колористом с линией» [6]. Пастельными палочками можно как рисовать, так и писать. Художник общее цветовое решение выполняет как подмалёвок, всего лишь несколькими тонами, а форму передает в основном линией, штрихом, контуром. Получается как бы подкрашенный рисунок. Картины, выполненные таким образом, отличаются воздушностью, легкостью, нежностью и необычайной тонкостью переходов тонов.

Пастель представляет собой цветные брусочки с округлым или прямоугольным сечением, может быть в виде деревянного карандаша. Пастельный мелок состоит из красящих пигментов и не большого количества связующих компонентов. Термин пастель – произошел от итальянского слова «pasta» паста или тесто. Так называется изобразительный материал, техника работы и сами произведения, выполненные в этом материале.

Различают три вида пастели масляная (в ее состав входит льняное масло), восковая (сделана на основе воска) и сухая. Пастель настолько интересна в использовании, что использованным мелкам можно продлить жизнь. Изготовить новые палочки пастели можно и самому. Для этого понадобятся обломки пастели, которыми уже использованы и ими стало не удобно работать, их необходимо растолочь, добавить к полученному порошку небольшое количество растворенного в воде гуммиарабика (пропорции 1 к 5) и смешать до однородной массы. Она напоминает цветное тесто, из него необходимо скатать цилиндр. Если смешивать кусочки разного цвета, то пигменты смешаются, и в

итоге получится бурый цвет. Добавляя разные пигменты, можно получить нужный оттенок для выполнения работы.

Для пастельной живописи или графики используются основания, способствующие удержанию соуса. Для успешной работы необходима шероховатая поверхность: пастельная доска, картон, бархатная бумага, мелкая наждачка, крафт-бумага, в старину чаще использовали замшу. Поверхность можно изготовить самому. Это можно выполнить следующим образом; обильно проклеенную картон или бумагу обработать шкуркой, степень обработки художник выбирает сам. Фактура бумаги во многом определяют конечный результат работы, помогает передать глубину пространства. А общий тон основания помогает подчеркнуть нужный колорит, просвечивающий сквозь пастель и придающий настроение пастельному этюду.

В технике пастельной живописи хорошо получаются этюды, выполненные на пленэре. Ребята с удовольствием пишут пастелью с натуры, такие уроки помогают в развитии их творческих способностей «Цель работы на пленэре – закрепление и расширение полученных в течение учебного года знаний и навыков, выработка умения творчески применять их на открытом пространстве в условиях естественного освещения» [4, с.71]. На пленэре можно работать и над живописными этюдами и над графическими.

Пастель принято считать графическим видом искусств. Однако некоторое искусствоведы считают, что она относится и к рисунку, и к живописи.

Художника привлекает чистота, благородство и свежесть цвета, живость линии, штриха, превращающегося в пятно. Другой способ работы пастелью – это работа большими отношениями, путь от «общего к частному» [3, с. 229]. После набранных больших цветовых отношений художник прорисовывает мелкие детали, формируя бархатистые штрихи с мягкими, рыхлыми краями. Возможности пастели велики. В технике пастели легко добиться плавности переходов оттенков, резкости и контрастности. Также она может давать очень светлый и очень насыщенный тон. Мелкими пастели можно как рисовать, так и писать. В отличие от масляной живописи, которую можно неоднократно перекрывать, пастель требует точности от художника и интуитивности при работе с цветом. От точности попадания в цвет зависит незабываемое впечатление, которое производит пастель на зрителя: множество чистых красочных слоев, просвечивающих друг через друга, отсюда глубина пространства и бархатистость фактуры в созданной работе. Пастель обладает невероятными возможностями смешения оттенков. Помимо преимуществ пастели, таких как звучность и чистота цветов, легкость в использовании и множество различных техник.

Есть один недостаток это хрупкость произведений, трудность её сохранения. Слой мелков нанесенных на поверхность, недолговечен и при малейшем касании может быть разрушен. Во избежание этого работы закрепляют, покрывая специальными фиксативами и лаками в виде спреев, которые немного закрепляют красочный слой. Есть еще одна проблема, с которой сталкивается художник при закреплении пастели. После закрепления, покрытия лаком, искажается первоначальный тон. Если искажается колористическая гамма, теряется природная бархатистость техники. Самый лучший способ сохранения пастели – это окантовка под стекло. Оформлять следует таким образом, чтобы стекло не касалось поверхности рисунка. В таком виде живопись может храниться столетиями. Очень интересно, что ни солнечный свет, ни погодные условия, ни влага не нарушают первозданной красоты. В этом смысле пастель хорошо сохраняет свои свойства. Для проявления бесконечности оттенков и многогранной игры в прозрачности слоев, пастели необходимо хорошее освещение при экспонировании. Лучше всего рассеянный, падающий по касательной дневной свет. При разном освещении работы смотрятся совершенно по-разному, и производят новые впечатления. Они как будто оживают и притягивают своей глубиной.

Преимущества пастельной живописи состоят в большой свободе для художника. Картина может быть готовой уже на первом этапе выполнения, в любой момент можно прекратить или возобновить работу над произведением. Для пастели возможен как слабый тон, так и очень насыщенный. Она привлекает мастеров живописи чистотой и свежестью цвета, живостью, и богатыми возможностями штриха. Тонкость переходящих тонов в сочетании с необычной звучностью цвета, невероятные возможности передачи фактур, возможности прорисовывать мельчайшие детали и обобщать позволяют художникам создавать настоящие произведения искусства.

Различные техники предполагает работу живописным пятном, штрихом, линией, сухой и мокрой кистью, также и работу в смешанной технике. «Смешанная техника – живописный прием, заслуживающий внимания и применяемый в различных художественных стилях и направлениях от реализма до авангарда. Работы, выполненные в смешанной технике, обычно содержат смешение нескольких материалов живописных или графических. Происходит гармоничное смешение акварели и пастели, туши и т. д... Смешение акварели с другими художественными материалами присутствует в произведениях: П. Пикассо, Ж. Руо, Ж. Брака, В.Э. Борисова-Мусатова и др.» [3, с. 214]. Эту возможность художники используют для создания художественного образа в пастельной живописи. Возможности пастели неограниченны. Ее структура легко позволяет накладывать цвет на цвет (техника

лессировки). Пастель легко втирать или растирать в поверхность бумаги для придания более плотного тона. Таким образом, можно смешивать разные цветовые пятна, находящиеся рядом, вбивая пигмент в основу, так что бы соседние штрихи или пятна не полностью смешались и заиграли по-новому. Растушевывать цветовой слой можно разными способами и абсолютно различными материалами, для придания необходимого эффекта. Например, бумажная растушёвка делает оттенок более холодным и плотным, в зависимости от замысла художника. Вата смахивает немного цветового слоя, цветные пятна смешиваются, но становятся более прозрачными. Кончики пальцев – самый лучший и незаменимый инструмент для растушёвки с их помощью можно добиться невероятных результатов. Так как на пальцах есть небольшое количество жира, оттенок при смешивании становится более теплым. Такая близость художника с произведением дает возможность передать всю глубину и тонкость художественного замысла. При желании на любом этапе можно избавиться от цветного слоя, так же используя разные инструменты, при работе с которыми получаются неповторимые эффекты. С помощью щетинистой кисти (для этого работу лучше держать вертикально, чтобы лишние частички не отсаживались обратно). Можно почти полностью убрать цвет и показать нужную фактуру, например кору дерева, шерсть животных, траву и т.п., (от щетины остаются тонкие, просвечивающиеся штрихи-линии).

Еще один не менее интересный способ обработки пастели – это работа влажной кистью. Оставленный след кончиком мелка – линия или боковой поверхностью – пятно, можно преобразовать в зернистую отмывку. Таким образом, можно подготавливать фон для дальнейшей работы, обобщая штрихи, получая акварельный эффект. Способность пастели впитывать воду, дает возможность писать по заранее смоченной бумаге, получая густой мазок. Влажной кистью его можно растянуть до нужной степени. Смешиваясь с водой пастель, легко проникает в поверхность бумаги, и не требует дополнительной фиксации. По высохшей поверхности можно накладывать штрихи, линии, пятна, точки, любые выразительные средства. Очень удобно применять этот способ как при проработке первых планов и мелких деталей, так и для больших поверхностей и обобщения формы. К масляной пасте так же применим этот способ рисования, только вместо воды используется растворитель для масляной живописи. Проведя кисточкой с растворителем по пастельным штрихам, получается очень живописный мазок. Цвета пастели смешиваются, образуя новый оттенок. В технике пастельной живописи могут быть созданы и натюрморты, и пейзажи и декоративные композиции. «Использование разнообразных техник обогащает процесс преподавания

изобразительного искусства в школе, прививает ученикам любовь и интерес к предмету, формирует художественный вкус и эстетически их развивает» [2, с. 86]. Пастель может использоваться совместно с другими материалами, дополняя их и придавая новое звучание.

Список литературы

1. Семенова, М.А. Акварельная. Эстетико-педагогический аспект: Монография. / М.А. Семенова – М.: Ювента, 2013. – 175 с.
2. Семенова, М.А. Творческое использование художественных материалов в акварельной живописи Начальная школа плюс До и После: ежемесячный научно-методический и психолого-педагогический журнал № 9 – М.: ООО «Баласс», 2012 – С. 82-86.
3. Семенова, М.А. Эстетика акварельной живописи в подготовке будущих педагогов-художников: дис. ...д-ра пед. наук. – Москва, 2015. – 450 с.: ил.
4. Семенова М.А. Пленэр в студии дополнительного образования. Начальная школа плюс До и После: ежемесячный научно-метод. и психолого-педагогический журнал № 2/10 – М.: ООО «Баласс», 2010 – С. 71-75. (0,6 п.л.)
5. Семенова М.А. Мастер-класс акварельной живописи на уроках изобразительного искусства. (в системе подготовки будущих учителей изобразительного искусства) Начальная школа плюс До и После: ежемесячный научно-методический и психолого-педагогический журнал № 6/10 – М.: ООО «Баласс», 2010 – С. 79-83. (0,6 п.л.)
6. [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Пастель](http://ru.wikipedia.org/wiki/Пастель)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИННОВАЦИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ

Диева О.Н.

Юго-Западный государственный университет, РФ, г. Курск

Этапы эстетического освоения новых технологий в дизайне костюма детально прослеживается период с середины 60-х годов XX века, с момента, когда ведущие дизайнеры Старого и Нового Света стали успешно экспериментировать с новыми технологиями и материалами, раскрывая в них специфические свойства и передавая с помощью новых композиционно-художественных приёмов присущие только этим материалам особенности пластики, колористики, силуэта и конфигурации костюма. Изменения в проектной практике отразились в творчестве таких мастеров дизайна, как Пако Рабанн (Paco Rabann), Андре Курреж (Andre Courreges), Мэри Куант (Mary Quant), Пьер Карден (Pierre Cardin), Ив Сен Лоран (Yves Saint Laurent). Данные успехи непосредственно связаны с миром новых технологий.[5]

На следующем этапе, в 80-е годы XX века лидерство переходит к японским специалистам. Богатый многовековой опыт создания своеобразного национального костюма, помноженный на стремление разрабатывать необычные объекты, помог мастерам из Японии вырваться вперед в работе с формой современного костюма. Исследование подтверждает, что данный прорыв во многом был обусловлен четко сформулированной проектной идеологией «деконструктивизма» и, одновременно, синхронной активностью технологов и национальных производителей инновационного текстиля. Социально-культурные перемены затронули дизайн, технологию, процесс производства костюма. В связи с появлением новых технологий и формированием иной идеологической среды изменились традиционные представления о принципах и методах моделирования одежды. В производстве модного костюма появилось новое, пока не достаточно изученное направление арт-костюма, что обуславливает актуальность рассмотрения как теоретических установок этого явления, так и исследование возможностей практического применения полученных данных. [4]

Рассмотрение инновационных технологий происходит в рамках пяти подразделов: «фабрицевтика», «биомиметика», «интегральная одежда», «умная одежда», «светящаяся одежда». В процессе проведённого анализа упоминаются: «умная» ткань «Numetrex» (Textronics), способная контролировать сердцебиение; изделия из материала «Elextex» (Eleksen) со встроенным iPod и имплантированным управлением в структуру ткани; бельё «WarmX-undershirt» (WarmX) из наноткани с полиамидными волокнами, проводящими

электричество для сохранения тепла тела; «живая» конструкция рубашки «Oricalto» от дизайнера Мауро Талиани (Mauro Taliani) итальянского дома Corro Nove и ряд инновационных разработок компании Grado Zero Espace. Также представлены различные виды интегральной одежды, созданной при участии компании Philips (Industrial Clothing Devision).[5]

Среди других направлений технологического совершенствования одежды в работе особо выделяется биомиметика, изменившая представление о костюме как неподвижной субстанции. Товары, схожие по качеству и дизайну, ежегодно сходят с конвейеров, теряют свою индивидуальность, становясь безликими и не интересными для общества. В XXI веке наиболее важным критерием при выборе товара становится приобретение новых эмоций, стремление скорее к самовыражению, нежели функциональному удовлетворению. Этому требованию отвечает арт-дизайн одежды с его невиданными образами, формой и конструкцией.

В настоящее время интенсивно развиваются инновационные технологии, в частности, в текстильной промышленности. Производство нового поколения текстиля стало объектом продвижения самых передовых NBIC-технологий (нано-, био-, инфо-, когнито-) и для производства «умного» текстиля (smart textile) технического, защитного, медицинского и декоративного назначения. Для его производства усовершенствуются современные, разрабатываются и внедряются инновационные технологии прядения, ткачества, плетения, вязания, производства нетканых материалов, колорирования. Для создания образа и композиции сценического костюма дизайнеры используют различные световые элементы: лазерные, светодиодные, оптоволоконные, LCD и PDP технологии, голография, электролюминесцентные панели, светоотражающие и свет возвращающие материалы. «Световые образы» проектируются для воплощения в одежде выразительности и создания моделей с эмоционально-зрительными характеристиками.[6]

В течении нескольких лет на кафедре дизайна и технологий изделий легкой промышленности ЮЗГУ разрабатываются арт-коллекции одежды с использованием приемов совмещения технологии валяния шерсти и шелка, «вживление» кусков гипюра и фрагментов росписи по шелку и хлопку. [2]

Создание арт-коллекций позволяет использовать инновационные разработки в фактурообразовании ткани, технологии и конструировании новых форм одежды, что расширяет возможности в поиске новых форм костюма. Путь от создания арт-коллекций до внедрения одежды в промышленное производство, позволяет исследовать предпочтения потребителем той или иной формы костюма как на подиумах, так и на торговых площадках.

Достижения в области высоких технологий, всеобщая компьютеризация производства позволяет дизайнерам воплощать свои идеи, применяя недоступные ранее материалы в своей коллекции, воссоздавая объемную фактуру, чтобы удовлетворить тактильные потребности потребителя.[1]

Проектирования таких коллекций подтолкнули к поискам уникальных проектных решений, отвечающих новым типам восприятия пространства. Поиск оригинальных идей для создания арт-коллекций, требует углубленных поисков в области технологии создания одежды, конструирования, фактурообразования и инноваций.[3]

В исследовании рассматриваются особенности модных показов, как направлений дизайн-деятельности и механизмов выработки новых зрелищных норм культуры. Дефиле становятся не только трансляцией модных трендов, но и сложными театрализованными действиями, формирующими новые феномены культуры. Особая атмосфера модного показа создается объединением и взаимодействием многих средств художественной выразительности.

Дизайнерская одежда является неотъемлемой частью гардероба тех, кто следит за модой. Коллекции, представленные модельерами, отличает общая идея, определенная тематика или похожие цветовые решения. Они могут быть созданы как одним автором, так и группой дизайнеров определенного бренда или Дома моды. Часто модельеры черпают вдохновение в других видах искусства. Так, на современные коллекции одежды большое влияние оказали такие направления, как сюрреализм (например, при соединении чего-либо несоединимого), поп-арт (использование фото, других реалистичных объектов), постмодернизм и т. д.

Самым инновационным способом моделирования в дизайне можно считать перспективное моделирование, или проектное прогнозирование, которое занимается изучением желаемых перспектив развития общества и разрабатывает проекты, которые могут способствовать достижению этого идеала.

Развитие конструктивного решения коллекции предполагает динамичную выразительность нюансов кроя.

Декоративное решение коллекции должно четко продумываться от модели к модели. Коллекция не должна быть перегружена декором. Дизайнер не должен подменять понятие «дизайн одежды» украшательством моделей. Количество декора в каждой модели должно быть разным. Модели, выполняющие роль композиционного центра в коллекции и являющиеся по сути кульминацией, выражающей центральную идею и замысел автора, могут иметь самое яркое и насыщенное декоративное решение.

Дизайнер одежды работает совместно с технологом и конструктором, разрабатывая сначала экспериментальную модель (опытный образец), который испытывается, в том числе и на контрольной группе потребителей. Затем после отбора, исправления недостатков и апробации разрабатывается промышленный образец (рабочий проект), который передается на производство для последующего тиражирования. В рабочий проект входит следующая документация: конструкторские чертежи, карты технологической сборки изделия, карты цветовых и фактурных решений.

В зависимости от типа и назначения коллекции в ней преобладают те или иные признаки. В авторской творческой коллекции, например, более существенным является единство коллекции, стиля и образа, при этом могут отсутствовать базовые конструкции. В любой коллекции важнейшим признаком является ее целостность, что отличает коллекцию от механического собрания разнородных моделей. Целостность обеспечивается единством стиля, творческого метода, цветовой гаммы, структуры материалов, формы, образов. Кроме того, признаком грамотно разработанной коллекции является динамика, то есть развитие центральной идеи в данной коллекции.

Модная одежда всегда была средством выражения социального статуса человека или иллюзорного его повышения, т.е. потребитель всегда старался казаться на ступень выше в социальной лестнице с помощью более престижной одежды. Дизайнер одежды находится под влиянием процесса потребления, в частности, под влиянием «процесса потребления для развлечения». Эклектизм современной моды разрешает соединять несоединимое, дизайнеры стараются перещеголять друг друга в создании острой выразительности моделей. Каждая демонстрация сопровождается целым театром образов, которые предлагаются на выбор: здесь и элегантность, и юмор, и гротеск, и трагизм, и предупреждение миру о катастрофе, и влияние маргинальных субкультур.[5]

Яркая образность, доходящая до гротеска, достигается целым комплексом средств: одеждой, головными уборами, обувью, дополнениями, макияжем, прической, париками, украшениями. Каждый дизайнер пытается найти свой набор символов или совокупность знаков для визуального сообщения публике. В дальнейшем исследование предполагает подобрать соответствующий набор средств для идентификации каждого типа дефиле и культурного кода. Сегодня модные показы становятся организованной реальностью, которая активно пронизывает социокультурную среду обитания современного человека. Основными проблемами, рассматриваемыми в статье, являются взаимоотношения моды и искусства, взаимосвязи художественных направлений искусства с модными показами, в результате чего формируются новые явления моды.

Исследование обобщило существующий исторический и теоретический опыт в области дизайна костюма. Это позволило сформировать полноценную научную базу и положить её в основу исследований особенностей формообразования костюма с использованием новых фактур.

Приведенный в работе исторический обзор развития новых технологий и прогрессивных материалов параллельно с демонстрацией их влияния на формирование облика костюма может быть использован в практических и образовательных целях, а также для дальнейших теоретических построений. В целом исследование призвано способствовать совершенствованию дизайнерской практики, повышению качества и эстетического уровня конечного продукта творчества дизайнера — облика современного костюма.

Список литературы

1. Будникова О.В., Диева О.Н. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИЗАЙНЕ КОСТЮМА Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2014. № 2. С. 60-69.
2. Диева О.Н. ПЛАСТИЧЕСКОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ЦЕЛЬНОВАЛЕННОЙ ОДЕЖДЫ ПРИ ДИАГОНАЛЬНОЙ РАСКЛАДКЕ ВОЛОКОН ШЕРСТИ// АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2015. С. 116-119.
3. Диева О.Н. К проблеме формоустойчивости одежды из войлочных полотен//Вопросы современных технических наук. 2016. С. 104-106.
4. Плешкова И.С. «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ» КОСТЮМ КАК ДОМИНИРУЮЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ОДЕЖДЫ НА РУБЕЖЕ ХХ-ХХІ ВВ. Журнал Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, выпуск № 2-2 / 2010
5. Васильева, Т.С. Влияние новых технологий на формообразование в дизайне одежды (на примере светодизайна костюма) [Текст] : автореф. дисс. . . . канд. искусств.: 17.00.06 / Татьяна Сергеевна Васильева. – М., 2011. – с. 38 : ил. – Библиогр. : с. 32-35.
6. Рукавишников А. С., Соприкина Т. Н., Евсеева А. А. Применение светоизлучающих материалов в современном дизайне сценических костюмов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 231–235.

СОЗДАНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ С ПОМОЩЬЮ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ТРАНСФОРМИРОВАНИЯ МОТИВА
В ПРОГРАММЕ PHOTOSHOP

Гркиян А.О

Московский государственный университет дизайна и технологий, г. Москва

Искусство украшения тканей орнаментами возникло в глубокой древности. Человек очень рано ощутил потребность сделать свою одежду нарядной. С появлением ткацкого станка художественная деятельность человека стала направляться на украшение поверхности ткани орнаментальным рисунком; именно в это время возникает так называемый текстильный орнамент.

Орнамент (лат. *ornamentum* — украшение) — узор, основанный на повторе и чередовании составляющих его элементов; предназначается для украшения текстильных изделий, различных предметов (утварь, орудия, мебель, книги и т. д.), архитектурных сооружений (как извне, так и в интерьере), произведений пластических искусств (главным образом прикладных), у первобытных народов также самого человеческого тела (раскраска, татуировка).

Орнаменты проникли, и надежно закрепились в стиле самовыражения обычного человека с той же уверенностью, как и в моде.

При разработке орнаментальных композиций художники – технологи создают огромное количество эскизов в разных цветовых и орнаментальных сочетаниях, а так же масштабах. Для ускорения и облегчения этой работы может помочь программа Photoshop.

Adobe Photoshop - многофункциональный графический редактор. В нем можно не только изменить цвет, наложить орнамент, преобразовать и трансформировать мотив, а так же использовать большое количество функций, которые просто необходимы для работы художника – орнаменталиста.

У Photoshop достаточно простой, а главное удобный интерфейс, который включает в себя все необходимое для творческого процесса художника.

Сегодня с помощью компьютера, можно легко создавать самые различные композиционные орнаменты, такие как: монораппортные или замкнутые, линейно-раппортные или ленточные, сетчато-раппортные или сетчатые.

Этапы разработки геометрического орнамента с помощью графического редактора Adobe Photoshop

Часть 1. Настройка

Шаг 1. Создаем новый документ (**Файл - Создать**) любого размера (рисунок 1).

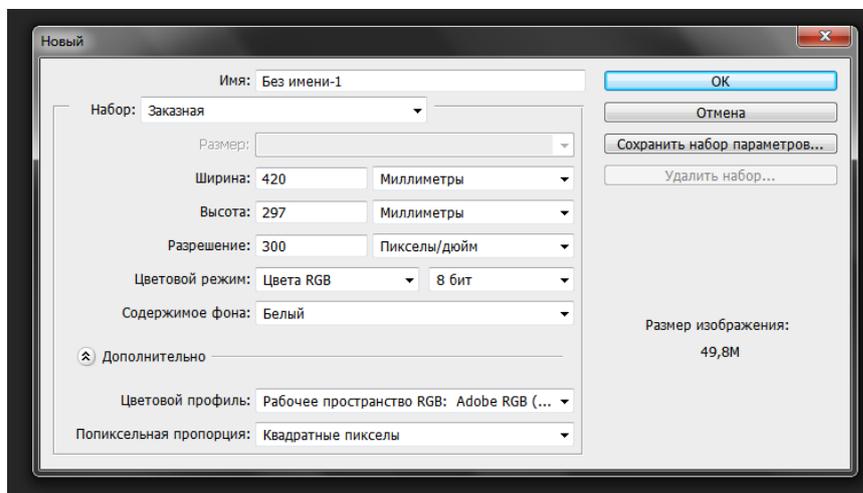

Рисунок 1.

Шаг 2. Включаем функцию привязки. **Просмотр - Привязка**

Часть 2. Создаем и трансформируем кисти.

После того, как новый документ создан, переходим к созданию и трансформированию кистей. Создать кисть можно на основе отсканированных орнаментов, выбрав интересующий мотив.

Шаг 1. Открыть отсканированное изображение в Photoshop. **Файл – Открыть**

Шаг 2. Инструментом выделения выделяем интересующий нас элемент линейного орнамента (рисунок 2).

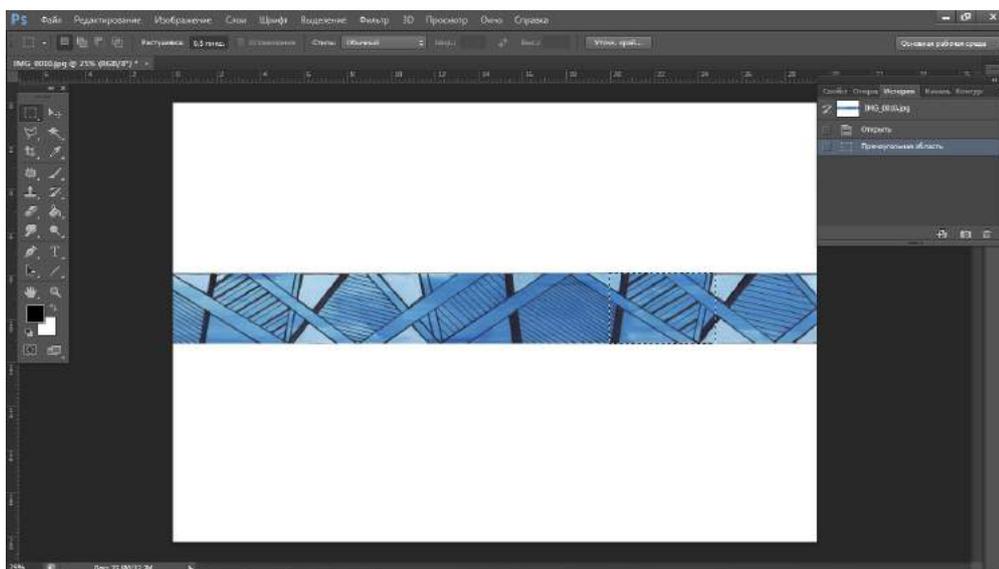

Рисунок 2.

Шаг 3. Определяем выделенную область как кисть. **Редактирование–
Определить кисть**

В панели инструментов выбираем инструмент «**Кисть**». Выбираем кисть, которую создали. Используем ее в дальнейшей работе.

Шаг 4. Трансформирование кисти.

Для создания разнообразных кистей, мы можем трансформировать уже созданную нами кисть. Выделяем выбранную кисть с помощью инструмента «**Выделение**» далее, на панели выбираем **Редактирование – Трансформирование**. С помощью функции трансформации, возможно создание невероятного количества орнаментов.

Таким образом, возможно, изменять масштаб, наклон, перспективу. Отображать кисть по горизонтали, вертикали, исказить и деформировать её. Что значительно упрощает и ускоряет работу художника-технолога при создании раппортных орнаментов.

Часть 3. Создание орнамента

Шаг 1. Открываем ранее созданный нами документ.

Шаг 2. Проводим оси.

Одну горизонтальную и вертикальную ось с помощью инструмента «**Линия**» (рисунок 3). Они необходимы для выравнивания дальнейшего орнамента. Для того чтобы провести прямые линии нажимаем и удерживаем клавишу **Shift**.

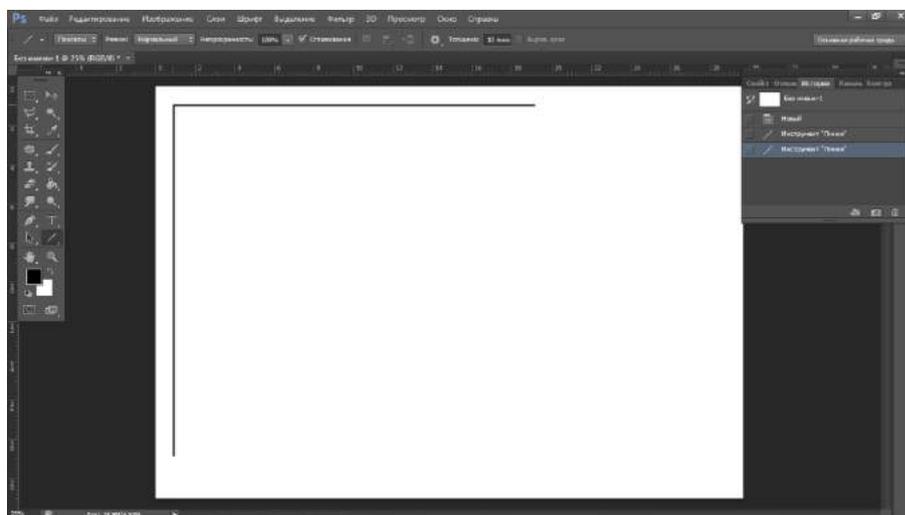

Рисунок 3.

Шаг 3. Работа с кистями.

В панели инструментов выбираем инструмент «**Кисть**». Используем выбранную кисть.

Для создания данного орнамента использовались две кисти, которые отображены по горизонтали с помощью функции трансформирование (рисунок 4)

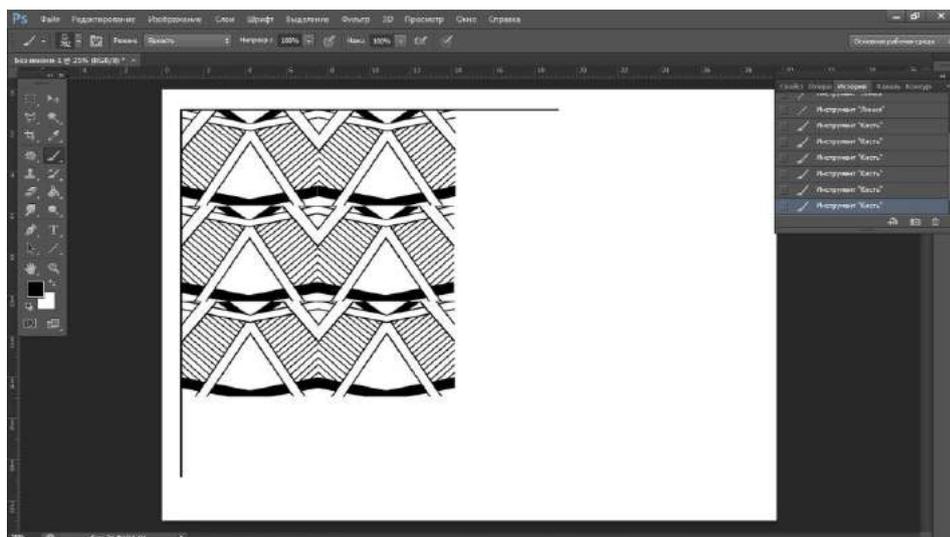

Рисунок 4.

Шаг 4. Соединение стыков и выполнение в цвете.

Для соединения стыков используем инструмент «**Линия**». Чтобы выполнить орнамент в цвете необходимо использовать палитру. С помощью инструмента «**Заливка**» заливаем необходимые элементы орнамента (рисунок 5).

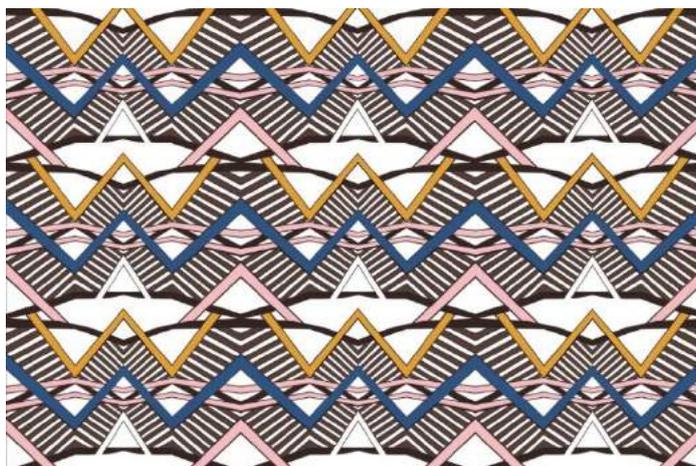
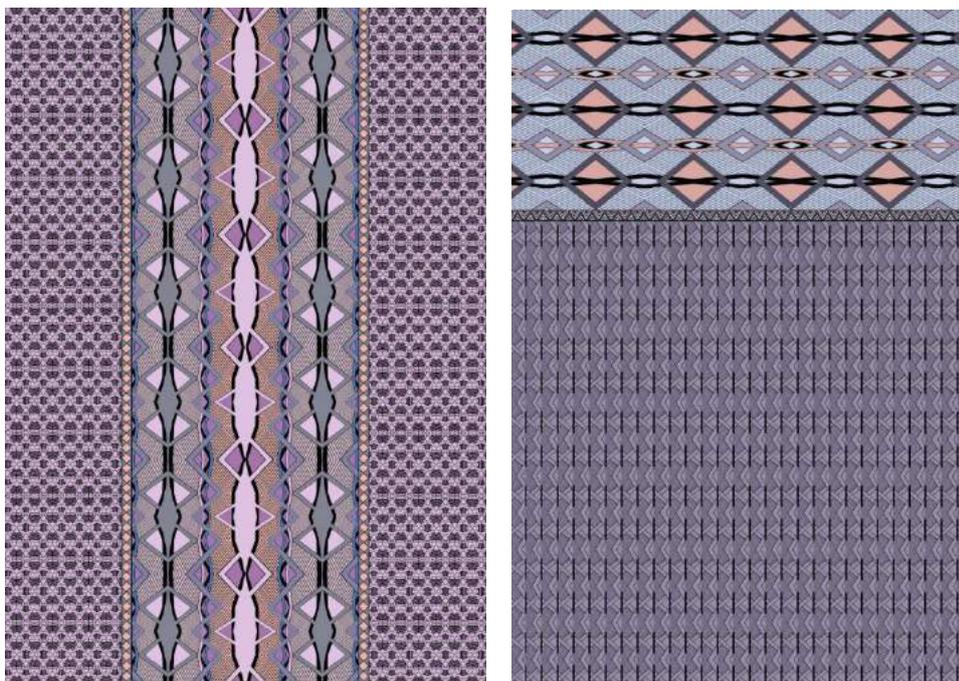

Рисунок 5.

При помощи графического редактора Adobe Photoshop, также были созданы орнаменты, которые в дальнейшем использовались в печати на ткани для одежды и интерьера.

Список литературы

1. Буткевич Л. М. «Орнамент как процесс». М.: 2002 г.
2. Козлов В. А «Основы художественного оформления текстильных изделий» М.:«Лёгкая и пищевая промышленность». 1981 г.
3. Рохине К. «Орнамент всех времён и стилей» М.: 1987 г

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

СЕКЦИЯ №9.

**МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

**СЕКЦИЯ №10.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)**

«ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ:

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ

Богданова О.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

«Песни восточных славян» Л. Петрушевской написаны в середине 1970-х годов, в контексте литературы, которая получила название андеграундной, неофициальной, позже — постмодернистской. Известная своим «жестким» и «жестоким» реализмом, Петрушевская создает своеобразные «страшилки», весьма популярные в советском городском фольклоре 1970-х, т.е. делает примерно то, что в прошлом столетии сделал А. С. Пушкин, создавая версию мистифицированного (лже)фольклора «Песни западных славян» (1834).

Уже в отношении к текстам Пушкина и Мериме (собирателя фольклора западных славян) говорить о жанре «песни», вынесенном в заглавие пушкинского «перевода», вряд ли возможно. Как известно, Мериме называл свои произведения балладами. Но и эта жанровая дефиниция не вполне соответствует форме (а точнее — формам) приведенного (разнородного) материала и требует уточнения и корректировки. По мнению специалистов, более точным жанровым определением пушкинских «Песен» должно было стать некое иное — более общее, более обширное — видовое понятие (или понятия), которого (которых) на момент написания Пушкиным «Песен западных славян» еще не сложилось. Неслучайно, сам Пушкин, рассказывая в письме к брату об услышанных им в Михайловском сказках Арины Родионовны, с восторгом восклицал: «Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма!» [4, с. 421], со всей очевидностью приравнивая (эмфатически) фольклорный жанр сказки к литературной поэме. Недифференцированное использование определения «песня» применительно к фольклорным сказаниям, былям, быличкам, преданиям, сказкам (в сегодняшнем понимании) было весьма популярно в начале XIX века. Пример тому — «Малороссийские песни», изданные М. А. Максимовичем в 1827 году, которыми пользовался Гоголь при работе над известной статьей по народным жанрам песенного фольклора южной части России и которые включают в себя самые разнообразные жанровые разновидности малороссийского фольклора, далеко не

ограничиваясь собственно песнями. В первой трети XIX века определение «песни» ближе всего стояло к современному понятию былина, историческое сказание. Т.е. жанровое определение «песни», использованное Пушкиным, следует трактовать расширительно, без жесткой привязки к каноническим особенностям жанра собственно песни (исторической или лирической), без научной буквальности.

Что же касается «Песен» Петрушевской, то даже первоначальное знакомство с ними (например, уже только их прозаическая форма) дает представление об их далеко «не песенном» (формально — не стихотворном) характере. Петрушевская еще дальше, чем Пушкин, отходит от собственно «песенного» жанра в своих «Рассказах из иной реальности» (таков подзаголовок сборника «Случай в Сокольниках», куда включены «Песни восточных славян» [2]). В отношении к «Песням» Петрушевской, вероятно, правильнее всего говорить о некоей обширной *сказочной* компоненте ее «(псевдо)народного фольклора», уточняя, что используется данный термин несколько расширительно и не строго научно.

Термин «сказка» вряд ли бы мог быть использован Пушкиным в его «Песнях», т.к. эта квалификационная категория складывается в своей жанровой категоричности несколько позже. Как известно, во времена Пушкина дифференцированного понимания сказки как фольклорного жанрового образования не существовало, значение слова «сказка» имело множество различных, если не сказать, совершенно иных значений, чем тот жанровый термин, который используется сегодня в быту и в науке. Так, слово «сказка» имело значение документа — например, «ревизская сказка» (всп. «Мертвые души» Гоголя или ср. у Тургенева в «Записках охотника»: «Размежевались, батюшка, все твоею милостью. Третьего дня сказку подписали» [5, с. 141]), и целый ряд других значений, в большей или меньшей степени строгих, связанных с понятием «известие», «сообщение», даже «показание». Уже позднее, в 1860-х годах, К. С. Аксаковым будет предпринята попытка дифференциации песен и сказок в его заметке «О различии между сказками и песнями русскими» [1, с. 399]. Но применительно к циклу «Песен западных славян» Пушкина использование такого понятия, как «сказки», было совершенно невозможно.

Иначе обстоит дело с Петрушевской. С одной стороны, издавая «Песни восточных славян» под тем же жанровым обозначением, но, давая им подзаголовок — «Рассказы из иной реальности», современная писательница сразу уравнивает «песни» и «рассказы», к тому же помещает под одним — общим — заголовком сборника «Случай в Сокольниках» и «Песни...», и собственно «Сказки» (второй раздел указанного сборника). Т.е. еще до самого текста «песен» Петрушевская стирает строгую дифференцию между сказками,

песнями и рассказами, уравнивая их в жанровом отношении. С другой стороны, влияние сказочных компонентов в этих рассказах-песнях столь ощутимо, что именно жанровые особенности сказки (одного из самых популярных жанровых образований фольклорного типа сегодня) следует считать наиболее очевидными формообразующими константами, которые опосредуют тексты современной писательницы — и коррелятивными среди них оказываются и композиционное построение, и сюжетика, и мотивная структура, и повествовательная манера, и стиль. В поддержку этого утверждения можно привести мнение В. Я. Проппа, который полагал, что именно сказка оказывается самой емкой формой сообщения, формальной структурой, которая своими различными гранями смыкается с мифом, легендой, былиной, балладой, быличкой, песней исторической, песней лирической, преданием, сказом и даже анекдотом [3]. Именно на пути «смешения» сказки с различными фольклорными жанровыми образованиями и достигается комбинаторное субстанциальное единство «Песен восточных славян» Петрушевской.

«Иная реальность» сказок Петрушевской должна повлечь за собой некое уточнение (около)жанровой принадлежности рассказов-песен ее цикла. Придерживаясь (или приближаясь к) строго научной классификации, можно было бы квалифицировать рассказы Петрушевской не просто как сказки, но как былички, т.к., по мнению Проппа, именно былички оказываются тем жанром, которые содержат обстоятельства, весьма близкие к реальным жизненным условиям и закономерностям (по крайней мере, в самом начале повествования), а с другой стороны — действующими героями быличек оказываются люди, но не «живой, естественный человек, а мертвец, привидение, упырь, оборотень и т.д.» [3, с. 46], т.е. герои именно той «иной реальности», на которую указывает подзаголовок сборника Петрушевской, и те герои, которые появляются в ее текстах. Однако Петрушевская — не фольклорист, не собиратель-специалист, а современный художник, потому она выстраивает свои «рассказы-былички» по законам «нестрого» сказочного повествования, более привычного среднему читателю (слушателю), и герои-мертвецы ее текстов-быличек не мешают ей использовать компоненты собственно сказочных жанров.

Т.е. если быть еще более свободным в определении жанра «Песен...» Петрушевской, то можно сказать, что прозаик легко смешивает черты быличек, былин, баллад, исторических песен и собственно сказок, можно констатировать размывание границ неких определенных жанров, можно наблюдать разрушение четких пределов фольклорных образований, можно говорить о диффузии жанров, причем жанров не только фольклорных, но и литературных. И уже только одно это обстоятельство позволяет

говорить о чертах современной *свободной* постмодерной поэтики Петрушевской, широко использованной в ее (псевдо)народной стилизации.

В случае с Петрушевской именно сказочные (в самом широком смысле) элементы опосредуют повествование в наибольшей степени. Именно сказка сочетает в своем конструкторе элементы развлекательно-игровые и воспитательно-моралистические, волшеббно-фантазийные и обытовленно реалистичные, исторически обусловленные и алогично бессмысленные, глубоко идейные и облегченно шутейные, философско-раздумчивые и гротескно сатирические. Именно многосоставность, разностильность, алогичность и абсурдизм, наивность и простота, правдоподобное неправдоподобие сказочного повествования более всего подходят Петрушевской и используются ею в моделировании элементов современного (от-литературного) фольклора, ее «Песен восточных славян». Именно в опоре на научное (а в отношении к Петрушевской в еще большей степени — на профанно-житейское) понимание структуры сказочных жанров (будь то сказки бытовые, волшебные, сказки о животных и др.), на наш взгляд, и следует рассматривать «Песни восточных славян».

Список литературы

1. Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими // Аксаков К. С. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1861–1880. Т. 1. 420 с.
2. Петрушевская Л. Случай в Сокольниках: Рассказы из иной реальности. М.: Вагриус, 2002. 175 с.
3. Пропп В. Я. Русская сказка / Отв. ред. К. В. Чистов, В. И. Еремина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 335 с.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. XIII. 562 с.
5. Тургенев И. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 4. 468 с.

ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТИКИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ

«СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»

Павленко И.В.

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

Вопросы художественного метода Н.В. Гоголя всегда были в центре внимания науки и критики. Критики и исследователи творчества писателя разных периодов отмечают наличие в художественном методе Н.В. Гоголя разных начал: как объективного, так и субъективного. Это позволяло одним говорить о Н.В. Гоголе как о реалисте (В.А. Десницкий [6, с.9], И.П. Егорова [7, с.67], В.Ф. Переверзев [12, с.384-385]), другие усматривали в его творчестве преимущественно романтические черты (И.В. Карташова [10, с.140]. Г.М. Фридендер [16, с.11].), третьи считали Н.В. Гоголя романтиком только в начале его писательской деятельности (А.М. Гуревич [5, с.84], И.В. Сергиевский [13, с.51], В.И. Стражев [14, с.34]). В первые десятилетия XX века даже появились попытки записать автора «Шинели» и «Носа» в предтечи модернистских направлений. Показательны в этом отношении слова Д.М. Чижевского, которые приводит в своём обстоятельном обзоре эмигрантской критики Гоголя В.А. Воропаев: «...Гоголь не был «реалистом» в привычном смысле слова. Любое течение или направление русской литературы могло по праву видеть в нём своего предтечу. «Романтик», «реалист», «фантаст», «сюрреалист» – подобные определения в связи с именем Гоголя имеют смысл, - он действительно представлял собой неповторимое литературное явление...» [3, с.202].

Конечно, и стремление разглядеть в «Носе» истоки сюрреализма, и другие попытки накрепко связать Гоголя с модерном представляются нам не вполне обстоятельными, особенно с учётом их полного смыслового диссонанса. Вместе с тем, невозможно отрицать универсальность метода писателя, определённо выдающуюся за рамки отведённых ей реализма и романтизма.

Рядом исследователей в творчестве Н.В. Гоголя были отмечены и характерные черты поэтики сентиментализма. Так, В.Н. Турбин, говоря о жанровой специфике гоголевских произведений, замечает, что идиллия у Гоголя – всепроникающий жанр. «Идиллическое государство, в котором правит Гоголь, могущественно. Реальное государство обречено на односторонность, оно сиротливо» [15, с.162]. Исследователь В.Н. Хохлачева относит Н.В. Гоголя к реализму, но усматривает уже стиль «карамзинской школы» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: «В описательных частях новелл

преобладают изысканные метафоры, красочные эпитеты, создающие в общем условно-литературный стиль, близкий стилю «карамзинской школы» [17, с.39].

Итак, реальная практика анализа произведений Н.В. Гоголя сталкивается с артефактами, не согласующимися с устоявшимся представлением об эволюции метода писателя, и заставляет взглянуть на его творчество более широко и под иным или даже иными углами. Одним из наиболее интересных в этом отношении произведений является повесть «Старосветские помещики».

Любопытно заметить, что, даже отрешившись от вульгарно-социологических постулатов, современное литературоведение всё равно не определилось в своём отношении к персонажам повести. Так, по мнению В.Е. Ветловской, Н.В. Гоголь здесь, в отличие от «Тараса Бульбы», изображает настолько тесный и затхлый мирок, что «довольно малейшего дуновения ветра, малейшей помехи в размеренно-холостом ходу, чтобы призрачное благополучие призрачного существования исчезло: никакая любовь Пульхерии Ивановны к Афанасию Ивановичу не устояла перед «диким» (т.е. самым «естественным») поведением кошечки... Место полнокровной жизни...занимают выморочная химера, где... материальное, телесное начало жизни, непозволительно расширяясь за счёт души, захватывает всяким вздором её чувства и помышления...» [2, с.14].

Совершенно противоположное мнение высказывает И.П. Золотусский, давший высокую оценку чувствам героев повести поставив их в один ряд с персонажами «Тараса Бульбы»: «То мгновение любви..., которое Гоголь запечатлел в малороссийских Филемоне и Бавкиде, выше и значительней любого переворота или катаклизма.

И пусть Гоголь называет эту любовь «привычкой». Она в тысячу раз выше романтической «страсти», высмеянной им в той же повести»[8, с.176].

Изменившийся взгляд на содержание повести, по-видимому, предопределил и истолкование её жанрово-стилистического своеобразия, о котором И.П. Золотусский пишет следующим образом: «Старосветские помещики» стали торжеством согласия и примирения, торжеством и равновесия между реальным и идеальным, прозаическим и поэтическим...»[8, с.176].

Важное для нас наблюдение делает И.Ф. Анненский, который обратил внимание на идиллический характер отношений между героями повести: «В основе лежит бессмертная любовь, чистый и высокий Эрос Платона. Вспомните кончину Пульхерии Ивановны: как просто относится она к вопросу о своей близкой смерти и с какой тревогой – к вопросу об удобствах покидаемого ею спутника. Этому чистому сердцу самое бессмертие

представляется в форме загробных попечений о старом муже»[1, с.617]. Идеализм «Старосветских помещиков» исследователь называет «святым».

В.Н. Турбин [15, с.62] склонен считать, что жанр «Старосветских помещиков» – это идиллия, которая осуществляется в отдалённом от шумной столичной жизни родном автору уголке, с маленькими домиками, светлыми окнами, поющими дверьми.

Первым в литературоведении, кто отметил сентиментальный тип сознания Н.В.Гоголя, проявившийся в повести «Старосветские помещики», стал Ю.В. Манн: «Очень важно, что повесть с самого начала приводит в соприкосновение два склада сознания и мироощущения – «сентиментальный» и «наивный». И когда повествователь (как представитель первого уклада) сходит в сферу жизни персонажей, то он словно отрекается от своего опыта, от своей сложности. Невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь» [11, с.164].

Исследователь также рассматривает тип сознания у героев повести: «Обитатели буколического гнезда, казалось, готовы придвинуться к развитой жизни – но могут ли они это сделать? Афанасий Иванович «не принадлежал к числу тех стариков, которые надоедают вечными похвалами старому времени или порицаниями нового. Он, напротив, расспрашивал вас, показывал большое любопытство и участие в обстоятельствах вашей собственной жизни, удачах и неудачах, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребёнка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов». Тот тип сознания, который представлен персонажем, агрессивно не противопоставляет себя новому; наоборот, он старается приблизиться к нему, понять его, но может ли он это сделать? Очевидно, не больше, чем ребёнок может понять дела и заботы взрослого» [11, с.165].

Между тем смелость повествования, по мнению Ю.В. Манна, заключается в обнажении бездонной глубины ограниченной буколической жизни. Это описание реакции Афанасия Ивановича на смерть Пульхерии Ивановны. Учёный здесь говорит о том, что у любого другого писателя (особенно романтика, современника Гоголя) поводом для горького воспоминания о покойнице послужила бы книга, которую она читала, мелодия, которую она любила, то есть образы высших духовных движений. У Н.В. Гоголя таким поводом служит любимое кушанье. У многих писателей горе сокрушающегося человека выразилось бы с помощью знаков психологического переживания – слёз, вздохов и т.д. Н.В. Гоголь для этой же цели с поразительной смелостью смешивает ряды: с одной стороны, высокий образ слёз, «немолчно текущего фонтана», а с другой – характеристика процесса еды во всей его бытовой, почти физиологической прозаичности, процесса еды,

приостановленного и расстроенного непереносимым приступом горя. «Здесь отчётливо видно, - утверждает исследователь, - что образы еды, физиологических и естественных движений начинают означать больше, чем подразумевалось вначале, и в самом моменте перехода этих образов в другое эмоциональное и смысловое русло скрыт секрет неотразимого воздействия... В «Старосветских помещиках» изменения образов физиологических и естественных движений свидетельствуют о силе и могуществе духовного начала. Образы еды начинают свидетельствовать не об эмоциях первоначального, «героического» этапа коллективной жизни, а о привязанности, любви, безмерной скорби – то есть сильном, индивидуализированном чувстве» [11, с.166-167]. Поэтому учёный усматривает мотивы сентиментальности именно в образах еды, в кушанье. Он также отмечает, что образы еды имеют «силу постоянства и сосредоточенности в себе»: «... интересующие нас образы передают простое, казалось бы, неразвитое «буколическое» чувство, обнаруживающее, однако, непреодолимую силу постоянства и сосредоточенности в себе. «Боже! думал я... пять лет всеистребляющего времени... и такая жаркая печаль? Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки» [11, с.167].

Итак, можно сделать вывод, что художественный метод Н.В.Гоголя не укладывается в рамки только одного направления. Он намного шире и богаче. Замечания исследователей о присутствии в художественном мире писателя стиля «карамзинской школы», лирического чувства, идиллии как всепроникающего жанра, позволяют говорить о наличии в художественном методе Н.В. Гоголя принципов отражения жизни, характерных для сентиментализма.

Наличие большого числа сентименталистских реминисценций в тексте «Старосветских помещиков» мы попытаемся доказать путём сравнительного анализа гоголевской повести с повестью Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». В основу сравнения будут положены основные признаки данного метода.

Проблема эстетики и поэтики сентиментализма широко рассматривается в современном литературоведении. В частности, ею занимаются следующие исследователи: Н.П. Верховская, В.И. Сорокин, Г.Н. Пospelов, П.А. Орлов, Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев и другие.

В результате проделанной работы мы выяснили, что учёные выделяют следующие основные принципы изображения действительности, характеризующие литературное направление - сентиментализм:

1. Изображение жизни простых людей;

2. Сглаживание остроты социальных противоречий между помещиками и крестьянами;
3. Изображение частной семейно-бытовой жизни простых людей;
4. Место действия – небольшие провинциальные городки, деревни;
5. Изображение картин сельской безыскусственной природы, которые вызывают глубокие душевные переживания – кладбища, развалины, пустынные места и т.п.
6. Стремление показать, что «и крестьяне любить умеют», что простым людям свойственны глубокие и чистые благородные человеческие чувства;
7. Отражение внутреннего мира человека, его чувства и переживания;
8. Воздействие сентименталистов на читателя, стремление вызвать его отклик на описываемые события;
9. Идея внесловной человеческой личности;
10. Прославление любви и дружбы;
11. Изображение скромной жизни в кругу семьи и верных друзей, честного труда;
12. Поиски своеобразного в каждом человеке, делающего его не похожим на других людей;
13. Положительные и отрицательные герои резко не противопоставляются;
14. Стремление писателей-сентименталистов нравственно приобщиться к жизни «городского люда»;
15. Постоянное напоминание писателя о своей авторской воле, о том, что это вымысел.

Результаты сопоставительного анализа двух повестей отражены нами в таблице.

<i>Н.М. Карамзин</i>	<i>Н.В. Гоголь</i>
1. Изображение картин сельской безыскусственной природы:	
«...великолепная картина, особливо когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах... Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбачьих лодок...» [17, с.23].	«...душистая черёмуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клён... длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками груш и яблок... воз с дынями...» [7, с.7-8].
2. Место действия – небольшие провинциальные городки, деревни:	
«Может быть, никто из живущих не знает так хорошо окрестностей города сего, как я...	«Я очень люблю скромную жизнь тех уединённых владетелей отдалённых

<p>Всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Симонова монастыря... Часто прихожу я на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою» [17, с.23-24].</p>	<p>деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротою и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого... крыльцо не выказывает красных кирпичей» [7, с.7].</p>
--	--

3. Изображение жизни простых людей:

<p>«Сажень в семидесяти от монастырской стены, подле берёзовой рощицы среди зелёного луга, стоит пустая хижина, без дверей, без оконин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкой, матерью своею. Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вёл всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли» [17, с.24].</p>	<p>«Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века... Все эти давние необыкновенные происшествия заменялись спокойною и уединённою жизнью, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими грёзами...» [7, с.8].</p>
--	--

4. Сглаживание остроты социальных противоречий между помещиками и крестьянами:

<p>«Здравствуй, добрая старушка! – сказал он. – Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза... принесла чистую кринку... Всякий догадывается, что он после того благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами» [17, с.26-27].</p> <p>«Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» – спросила старуха. «Меня зовут Эрастом», - отвечал он» [17, с.27].</p>	<p>- Отчего это у тебя, - Ничипор, - сказала она, обратясь к своему приказчику, тут же находившемуся, - дубки сделались такими редкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на голове не стали редки.</p> <p>- Отчего редки? – говаривал обыкновенно приказчик, - пропали! Так-таки совсем пропали: и громом побило, и черви проточили, - пропали, пани, пропали [7, с.13].</p>
---	--

5. Стремление показать, что «и крестьяне любить умеют», что простым людям свойственны глубокие и чистые благородные чувства:

«...бедная вдова почти беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! - день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать» [17, с.25].

«Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из неё вышла. На лице и во всех её движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» – думала она и восхищалась сею мыслию» [17, с. 30].

«На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь в низменную буколическую жизнь... Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу ты, но всегда вы... Они никогда не имели детей и оттого вся привязанность их сосредоточилась на них же самих» [7, с.8-9].

6. Поиски своеобразного в каждом человеке, делающего его не похожим на других людей:

«Ещё до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюневшись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зелёном покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение... Но Лиза всё ещё сидела подгорюнившись» [17, с.28].

«Но интереснее всего казались для меня старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда всё в их доме принимало другой вид. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Всё, что у них ни было лучшего, всё это выносилось... Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их лицах...» [7, с.16-17].

7. Постоянное напоминание писателя о своей авторской воле, о том, что это вымысел:

«Ах! Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!» [17, с.24].

«Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость...» [17, с.29].

«Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна ещё до сих пор жалости» [7, с.8].

«Добрые старички! Но повествование моё приближается к весьма печальному

<p>«Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его – язык мой не движется – смотрю на него, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?» [17, с.36].</p>	<p>событию...» [7, с.19].</p> <p>«Навстречу вышел старик. Так это он! я тотчас же узнал его; но он согнулся уже вдвое против прежнего» [7, с.25].</p>
--	---

В художественном отношении обе повести чётко делятся на две части:

<p>I часть: «Но всего чаще привлекает меня к стенам Симонова монастыря воспоминания о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы» [17, с.24].</p> <p>II часть: «Но я не могу описать всего, что они при сём случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию» [17, с. 34].</p>	<p>I часть: «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века... Грустно! мне заранее грустно! Но обратимся к рассказу» [7, с.8].</p> <p>II часть: «Добрым старички! Но повествование моё приближается к весьма печальному событию, изменившему навсегда жизнь этого мирного уголка!» [7, с.19].</p>
--	--

Мы рассмотрели традиции поэтики сентиментализма в творческом методе Н.В. Гоголя на примере одной повести, но это ключ к более глубокому и внимательному изучению всего его творчества.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1988. – 734с.
2. Ветловская В.Е. Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности. //Русская литература. – 2001. - №2. – С.3-24.
3. Воропаев В.А. Гоголь в критике русской эмиграции //Русская литература. – 2002. - №3. – С.192-211.
4. Гоголь Н.В. Миргород. – М.: Советская Россия, 1985. – 250с.
5. Гуревич А.М. Романтизм Гоголя / Гуревич А.М. Романтизм в русской литературе. – М.: Просвещение, 1980. – С. 84-93.
6. Десницкий В.А. Гоголь – великий русский писатель-реалист /Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. – Ученые записки. – Т.107. – Л., 1995. – 377с.

7. Егорова И.П. Луначарский о сатире русских писателей-классиков / Филологический сборник. Выпуск 1. – Хабаровск, 1959. – 270с.
8. Золотуский И.П. Гоголь. – М.: Мол. Гвардия, 1979. – 511с.
9. Карамзин Н.М. Повести. – М.: Советская Россия, 1979. – 142с.
10. Карташова И.В. Романтизм в творчестве Н.В. гоголя / Русский романтизм; Под ред. проф. Н.А. Гуляева. – М.: Высшая школа, 1974. – 359с.
11. Манн Ю. В. Поэтика гоголя. – М.: Художественная литература, 1978, 397с.
12. Переверзев В.Ф. У истоков русского реализма. – М.: Современник, 1989. – 750с.
13. Сергиевский И.В. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество. – М.: ГИДЛ, 1956. – 190с.
14. Стражев В.И. Н.В. Гоголь. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1951. – 64с.
15. Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. – М.: Просвещение, 1978. – 239с.
16. Фридлиндер Г.М. Гоголь: истоки и свершения //Русская литература. – 1994. - №2. – С.3-27.
17. Хохлачева В.Н. Наблюдение над языком и стилем некоторых произведений Гоголя //Русский язык в школе. –1959. – №2. – С.39-45.

СЕКЦИЯ №11.

**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)**

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ «ГОТИКЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА)

Напцок Б.Р.

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

В литературной «готике» сложилась специфическая типология образов, построенная как художественная альтернатива просветительской концепции мира и человека и

предвосхищающая романтическое образно-фантастическое отражение действительности. В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) дана интерпретация дефиниции образа, которая может послужить отправной точкой для нашего исследования: «Образ многолик и многосоставен, включая все моменты органического взаимопревращения действительного и духовного; через образ, соединяющий субъективное с объективным, сущностное с возможным, единичное с общим, идеальное с реальным, вырабатывается согласие этих противостоящих друг другу сфер бытия, их всеобъемлющая гармония» [2, с. 252].

Для писателей-«готиков» было характерно художественное отображение жизни не в ее типичных бытовых проявлениях, а в исключительных экстремальных ситуациях, возникающих при столкновении человека с ирреальными враждебными силами. Фантастичность, символическая обобщенность, гротесковость содействовали изображению тех сторон бытия, которые не могли быть объяснены способами рационального и чувственного познания действительности. Тожественным образом происходит и отбор героев для «готического» произведения. Обыкновенный герой из повседневной жизни никогда не мог стать «готическим» персонажем. Ориентированность на ситуативную и событийную исключительность потребовала появления ключевого героя с антипросветительской заданностью – «готического» злодея, вокруг которого была организована система образов.

Одна из первых характеристик типологии «готических» образов была дана В. Скоттом в статье «Миссис Анна Радклиф»: «...Такого рода книги сильны изображением внешних событий, в то время как характеры персонажей, подобно фигурам на многих пейзажных полотнах, полностью подчинены месту действия и имеют только те отличительные черты, которые позволяют им удачно соответствовать главным объектам внимания художника – скалам и деревьям. Персонажи (и здесь также прослеживается связь между мелодрамой и романтическим повествованием) наделены лишь типическими, но не индивидуальными чертами. Мрачный тиран граф, старая карга экономка – хранительница множества семейных преданий, болтливая горничная, легкомысленный весельчак лакей, один или два негодяя, исполнители всех черных дел, героиня – воплощение всевозможных совершенств и жертва всевозможных причуд рока, – вот арсенал романиста...» [6].

В. Скотт указывал на отсутствие индивидуальных черт в «готических» образах [6, с. 353], и это замечание стало поводом для критики, старающейся увидеть в системе персонажей «готического» романа только статичные амплуа, клише и в целом «каталог штампов» [7]. Однако точка зрения Скотта дополнена заключением: «...Хотя персонажам

не придано индивидуальных черт, необходимо все же убедительно и ярко обрисовать их внешние особенности; их одежда и облик должны гармонировать с обстановкой, язык и поведение должны либо подчеркивать окружающий их ужас, либо, если этого требует сюжет, составлять ему резкий, живой контраст. Воображению миссис Радклиф особенно удавались именно такие персонажи; они являются на страницах ее книг в неверном, колеблющемся свете, требуемом атмосферой тайны, говорят и держатся в соответствии со своим положением и развитием действия» [6, с. 353].

На наш взгляд, характеристика «готических» образов, данная В. Скоттом и зарубежной и отечественной критикой (Э. Бирхед и др.), нуждается в расширенном анализе и корректировке.

В первом «готическом» романе Х. Уолпола «Замок Отранто» [8] была выработана следующая **типологическая расстановка «готических» образов:**

«Готический» злодей, аристократ, узурпатор	Князь Манфред Отранто
Антагонист злодея, добродетельный герой, тайна происхождения которого раскрывается, – молодой крестьянин, преследуемый злодеем и становящийся в итоге законным наследником княжества	Крестьянин Теодор, который оказывается наследником Альфонсо Доброго – князя Отрантского
Рыцарь, возвращающийся в родные края после долгого странствия	Маркиз Фредерик да Виченца
Священник, открывающий крестьянину тайну его происхождения	Отец Джером, священник церкви Святого Николая, он же отец Теодора граф Фальконара
Добродетельная жена	Ипполита, жена злодея Манфреда
Добродетельная девица	Изабелла, преследуемая Манфредом и нашедшая отца – маркиза Фредерика да Виченца
Добродетельная девица, возлюбленная добродетельного героя, которая погибает	Матильда – дочь князя Манфреда
Слуги	Служанка Бьянка и другие слуги
Призраки	Призрак убиенного законного владельца Альфонсо Доброго;

	призрак деда Манфреда – Рикардо, убийцы Альфонсо; призрак Старого Отшельника из Святой Земли
--	---

Внешне в романе К. Рив «Старый английский барон» [4] сохраняется типология «готических» образов «Замка Отранто» Х. Уолпола. Однако сравнительный анализ двух «готических» текстов доказывает наличие, как сходства, так и различий в системе персонажей романов Х. Уолпола и К. Рив:

<i>«Замок Отранто»</i>	<i>«Старый английский барон»</i>
Князь Манфред, владелец Отранто – «готический» злодей и узурпатор, потомок убийцы законного владельца	Лорд Уолтер Ловелл – злодей, братоубийца, узурпатор; герой второго плана
Теодор – молодой крестьянин, преследуемый Манфредом, внук и законный наследник Альфонсо Доброго – князя Отрантского	Эдмунд Туайфорд – молодой крестьянин, преследуемый старшим сыном и племянниками барона Фиц-Оуэна, в финале – признанный сын и законный наследник лорда Артура Ловелла
Маркиз Фредерик да Виченца – рыцарь, вернувшийся после долгого отсутствия, претендент на наследство Альфонсо Доброго	Сэр Филипп Харкли – рыцарь, возвращающийся на родину после долгих походов; «защитник добродетели», помогающий сыну близкого друга вернуть законные права
Отец Джером – священник, граф Фальконара, отец Теодора, открывающий тайну его происхождения	Священник Освальд, помогающий Эдмунду раскрыть тайну его происхождения
Ипполита – добродетельная жена Манфреда	Аналогов нет
Изабелла – дочь маркиза да Виченца, преследуемая Манфредом	Жена Артура Ловелла, преследуемая сэром Уолтером, погибшая после рождения сына
Аналогов нет	Барон Фиц-Оуэн – человек либеральных взглядов, воспитавший Эдмунда
Матильда – дочь князя Манфреда, возлюбленная Теодора	Эмма – дочь барона Фиц-Оуэна, будущая жена Эдмунда

Аналогов нет	Сыновья барона Фиц-Оуэна Роберт и Уильям и племянники Уэнлок и Маркхэм
Слуги и служанка Бьянка	Слуги и старый слуга Джозеф
Призрак законного владельца замка Отранто Альфонсо Доброго; призрак убийцы – деда Манфреда; призрак Старого Отшельника	Призрак лорда Артура Ловелла, злодейски убитого наемным убийцей, посланным братом

В романе С. Ли «Убежище, или Повесть иных времен» типология «готических» образов меняется радикально [1]. Ставя в центр повествования историю вымышленных героев, романистка объединяет ее с историей реальных лиц елизаветинской эпохи:

«Готический» злодей (злодейка)	Королева Англии Елизавета
Антагонист злодея	Королева Шотландии Мария Стюарт, преследуемая Елизаветой
Добродетельные героини-девицы	Дочери Марии Стюарт от тайного брака с герцогом Норфолком – Матильда и Эллинор, законные наследницы шотландского престола, преследуемые королевой Елизаветой
Добродетельная мать	Приемная мать сестер – миссис Марлоу
Священник	Отец Энтони, опекун Матильды и Эллинор
Исторические лица, появляющиеся в романе С. Ли в соответствии с вымышленным сюжетом	Граф Лейстер, фаворит Елизаветы, муж Матильды; знаменитый поэт Филипп Сидни, влюбленный в Матильду; известный мореплаватель, участник военных сражений сэр Фрэнсис Дрейк; политический деятель, советник Елизаветы I лорд Уильям Берли; племянница Генриха VIII леди Джейн Грей; шотландский король, сын Марии Стюарт Иаков I; военачальник, фаворит королевы Елизаветы граф Эссекс;

	известная переводчица и поэтесса леди Пемброк; английский военачальник граф Тайрон; принц Генрих Уэльский – жених Марии.
Свободолюбивая героиня	Роз Сесил
Добродетельная дочь	Юная Мария, дочь Матильды
Герои-альтруисты	Фаворитка ямайского губернатора Анана, лорд Скруп, леди Арундел, леди Саутгемптон
Слуги	Служанка Алиса
Герои-злодеи второго плана	Леди Мортимер, сестра герцога Норфолка, тетья Матильды и Эллинор; ее сын лорд Мортимер; лорд Арлингтон, муж Эллинор; лорд Дорнок; граф Сомерсет
Злодеи-разбойники	Бандиты-фальшивомонетчики во главе с бывшим слугой Уильямом

Концепция Зла, положенная в основу «готической» сказки У. Бекфорда «Ватек», находит свое отражение в типологии образов [8]. Зло оказывается в центре повествования и персонифицируется, число «готических» злодеев в произведении увеличивается, а добродетельные герои и героини уходят на второй план:

«Готический» злодей	Халиф Ватек, жестокий правитель, мечтающий завладеть миром с помощью тайных знаний
«Готическая» злодейка	Царица Каратис, мать Ватека, колдунья и идеолог халифа
Девушка	Юная Нурониар, дочь эмира Факреддина, ставшая возлюбленной Ватека
Демонические герои	Индиец-Гяур, посланник Эблиса; падший ангел Эблис
«Добродетельный» мусульманский правитель	Эмир Факреддин, пародийный герой
Гении, противостоящие Злу	Духи-покровители, пытающиеся остановить Ватека в его обращении к силам Зла
Колдуньи	Немые рабыни-негритянки

Обитатели Ада	Царь Сулейман бен Дауд (Соломон); несчастные грешники, обреченные на вечные мучения
---------------	---

В своих «готических» романах Э. Рэдклифф [5] вернулась к стройной традиционной типологии образов и дополнила их новой семантикой:

«Готический» злодей	Владелец аббатства Сен-Клэр маркиз де Монталь, преследующий Аделину
«Готический» злодей со смешанным характером	Пьер Ла Мотт
Добродетельная девица	Аделина, которая в финале оказывается дочерью сводного брата де Монталья, убитого им, и законной наследницей
Дама	Мадам Ла Мотт
Добродетельный герой	Молодой офицер из свиты Монталья Теодор, возлюбленный Аделины
Добродетельная семья	Семейство Ла Люков: священнослужитель Ла Люк и его дети
Слуги	Слуга Питер
Разбойники	Разбойники, заставившие Ла Мотта забрать с собой Аделину

«Готический» роман М.Г. Льюиса «Монах» [3] – это последнее произведение предромантизма, в котором было осуществлено значительное преобразование поэтики и типологии образов:

«Готический» злодей	Настоятель церкви Капуцинов монах Амбросио
Демонические силы	Женщина-суккуб Матильда, проникшая в аббатство в одежде послушника под именем Росарио, демоница, соблазнившая монаха и приведшая его к моральному падению; Люцифер, Сатана
«Готические» злодейки	Настоятельница женского монастыря и ее помощницы, подвергшие Агнесу наказаниям
Добродетельная героиня	Антония, преследуемая и погубленная

	монахом, который в финале окажется ее родным братом
Добродетельная мать	Донья Эльвира, мать Антонии, убитая неузнанным сыном Амбросио
Рассказчики	Дон Кристобаль, излагающий историю Амбросио; Лоренцо де Медина, рассказывающая историю своей сестры Агнесы; Агнеса, рассказывающая историю призрака Окровавленной Монахини; Великий Могол, повествующий о Беатрисе лас Систернак, двоюродной бабке Раймонда, являющейся в виде призрака
Добродетельный благородный юноша	Лоренцо де Медина, влюбленный в Антонию
Монахиня, осуждаемая монахом и церковью за любовь	Агнеса де Медина, которую представители церкви обрекают на гибель
Благородный аристократ, любящий Агнесу	Маркиз Раймонд де лас Систернак, скрывающийся под именем Альфонсо д'Альварада
Герои-альтруисты	Жена разбойника Маргарита; монахиня Святая Урсула; герцог Рамирес; Виргиния де Вилья-Франка, подруга Агнесы
Дамы	Баронесса Родольфа, влюбленная в Раймонда и преследующая его; дама Хасинта, хозяйка дома, где проживает Антония
Слуги	Теодор, сын Маргариты, ставший пажом маркиза
Разбойники	Шайка бандитов, грабящих путников
Призраки	Призрак Окровавленной Монахини; Призрак матери Антонии – доньи Эльвиры
Герой-легенда	Великий Могол, или Вечный Жид
Народ	Возмущенная толпа как некое бунтарское

	начало
Инквизиция	Обобщенный образ суда Святой Инквизиции

Зарубежными и отечественными исследователями литературной «готики» неоднократно предпринимались попытки классифицировать типы «готических» злодеев. Однако нами было определено, что подобных героев следует рассматривать с позиций их функций в «готическом» сюжете и психологической заданности, позволяющих раскрыть их человеческую и душевную трансформацию. В «готических» произведениях были представлены следующие типы «готических» злодеев:

- амбивалентный злодей со смешанным противоречивым характером, стоящий перед выбором между Добром и Злом (Манфред из «Замка Отранто» Х. Уолпола, королева Елизавета из «Убежища» С. Ли, Амбросио из «Монаха» М.Г. Льюиса);
- «злодей поневоле», исполнитель, марионетка в руках другого злодея (Ла Мотт из «Романа в лесу» Э. Рэдклифф);
- демонический злодей, одержимый Злом и преступлениями (халиф из «Ватека» У. Бекфорда, маркиз де Монталь из «Романа в лесу» Э. Рэдклифф);
- психологически немотивированный, однолинейный злодей (Уолтер Ловелл из «Старого английского барона» К. Рив);
- Демон, Сатана, Люцифер и демонические силы (Демон и Гяур из «Ватека» У. Бекфорда, женщина-суккуб, Дьявол из «Монаха» М.Г. Льюиса).

Таким образом, типология образов в «готических» романах, повестях и рассказах, несмотря на внешнюю формульность, представляется писателями в изменении и развитии. Изначально разработанные Х. Уолполом ключевые образы «готического» злодея и его антагонистов – добродетельных героев, а также второстепенных персонажей были идейно и художественно трансформированы, расширилась система образов в целом. Почти во всех «готических» текстах наблюдаются явления сверхъестественных героев – призраков и привидений.

Список литературы

1. Ли, С. Убежище, или Повесть иных времен: Роман: Пер с англ. И. Проценко / С. Ли. – М.: Ладомир, 2000.
2. Литературный энциклопедический словарь /Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
3. Льюис, М.Г. Монах. Роман: Пер. с англ. И. Гуровой; Предисл. В. Скороденко/ М. Г. Льюис. – М.: Ладомир, 1993.

4. Рив, К. Старый английский барон/ К. Рив. – М.: Ладомир, 2012.
5. Рэдклифф, А. Роман в лесу. Роман: Пер. с англ. Е. Малыхиной / А. Рэдклифф. – М.: Ладомир, 1999. – 315 с.
6. Скотт, В. Миссис Анна Радклифф//Радклифф А. Итальянец, или тайна одной исповеди. – М.: Эксмо, 2007.
7. Тураев, С.В. От Просвещения к романтизму. Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX в. / С.В. Тураев. – М.: Наука, 1983.
8. Уолпол, Г. Замок Отранто / Г. Уолпол // Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей; Уолпол Г. Замок Отранто; Казот Ж. Влюбленный дьявол; Бекфорд У. Ватек: Роман, повести /Пер. с англ. и фр. – М., 2004.

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

SMM И ЖУРНАЛИСТИКА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кузьмина М.А., Фролова Н.М.

НИ ГОУВПО « Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева», г. Саранск

Social Media Marketing (SMM) направлен на продвижение товаров и услуг, размещенных на сайте, в социальных сетях, на форумах и блогах с целью сделать их узнаваемыми и тем самым привлечь целевых посетителей. Данная деятельность направлена не только на продажу определенно товара, но и на привлечение внимания и поддержание популярности того или иного продукта, в том числе и журналистского. После стремительного «погружения» огромного количества людей в социальные сети, туда же устремилась и журналистика. Но поддержание оптимального функционирования контента в сети имеет мало общего с поддержкой его популярности в социальной сети. Здесь, появившись 7 лет назад, на помощь уже «классической» интернет-журналистике пришел SMM, а вместе с ним и SMM-специалист.

Например, официальный сайт информационного агентства «РИА Новости» - один из самых популярных информационных порталов среди отечественной аудитории. Его новостные материалы набирают более сотни тысяч просмотров и сотни комментариев.

Всё это фиксируется на сайте под каждым новостным материалом. Но общее количество посещений ресурса на сайте отсутствует. На их официальную страницу в социальной сети «ВКонтакте» подписано более 1 800 000 человек, что гарантировало появление их публикаций в новостной ленте данных людей. К этому охвату аудитории можно добавить репосты на другие группы и страницы социальной сети, что смело расширяет аудиторию еще не на одну тысячу.

Интернет издание «Лента.ру» не может похвастаться подобным охватом аудитории, хотя и входит в топ популярных новостных сайтов. Комментарии на сайте к материалам доходят до сотни и вполне соответствуют стилю и языку самого сайта. Однако, на их официальной странице в вышеупомянутой социальной сети, подписчиков у которой больше 300 000, комментариев набирается хоть и примерно такое же количество, но определенно не того же качества – наглядный показатель того, насколько разная аудитория у издания на разных площадках. Но так как активная аудитория существует несколько независимо друг от друга, их можно суммировать, и следовательно судить о том, что охват «Лента.ру» значительно шире 300 000.

Подобные достижения в интернет-пространстве издания могут приписывать не только качеству работы своих корреспондентов и прочих «классических» сотрудников мира журналистики, но и сравнительно новым членам их коллектива – SMM-специалистам.

Слияние данных сфер информационной деятельности прошло достаточно быстро и плавно во многом благодаря тому, что они очень похожи. К примеру, можно сравнить необходимые навыки журналиста и SMM-специалиста и заметить, насколько они схожи:

Журналист	SMM-специалист
<ul style="list-style-type: none"> ● умение работать с информацией (находить, изучать, отбирать, анализировать, сопоставлять и оценивать факты); ● умение в большом объеме информации выделить главное; ● умение находить объяснение фактами; ● умение говорить или писать быстро, грамотно, легко и при этом интересно и не банально; 	<ul style="list-style-type: none"> ● умение общаться виртуально и конкретно с определенной группой людей. ● понимание не только задач компании, но и интересов сообщества. ● умение всегда быть в курсе событий. ● умение разговаривать с аудиторией на одном языке, что включает правильный выбор форм

<ul style="list-style-type: none"> • умение обращаться с профессиональными приборами и техникой, необходимыми в работе журналиста (диктофон, фотокамера и т.д.); • знание Закона о СМИ и умение им пользоваться; • способность задавать неудобные вопросы и докапываться до сути проблемы; • профессиональная этика, тактичность. 	<p>и содержания комментариев, а также важную составляющую - чувство юмора.</p> <ul style="list-style-type: none"> • отражение эмоций аудитории, распространяя позитивные настроения в группе, а также умение правильно работать с негативными отзывами.
---	--

Но SMM-специалист не является журналистом. Он доносит работу журналиста до аудитории в нужное время, в нужном контексте и на нужной площадке. В данном случае в плюсе оказывается как журналист, так и потребитель информации. Работа первого получает максимально большую аудиторию в максимально адекватном контексте, первый – своевременно актуальную и уместную информацию в доступном формате. Поэтому данный «союз» актуален, необходим и разумен для всех информационных и новостных изданий в условиях современного функционирования активного потребителя информации путем «сёрфинга» в интернете и новостной ленты в той или иной социальной сети.

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СПОРТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Фомичёв С.А., Фролова Н.М.

НИ ГОУВПО «Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева», г. Саранск

Имидж спортивных организаций является понятием неоднозначным, т. к. он имеет свою специфику, во многом отличную от имиджа в других сферах. При этом нужно понимать, что спортивные достижения и успехи напрямую связаны с корпоративной репутацией и, по сути, невозможны без нее. Из этого вытекает, что создание привлекательного имиджа является частью культуры делового общения.

По мнению О.В. Гадючкина, имидж спортивной организации существует вне зависимости целенаправленного или нецеленаправленного его формирования.

Стихийное формирование имиджа не всегда является адекватным и благоприятным для спортивной организации, поэтому выбор производится не между наличием или отсутствием имиджа, а между управляемой и неуправляемой его формой [1, с. 58]. Для успешной спортивной организации имидж является выражением достигнутых успехов, символом положения в обществе и в экономике: с увеличением объемов деятельности пропорционально увеличивается и ее репутация. Чем положительней и стабильней положение спортивной организации, тем выше ее доходы и тем лучше становится отношение со стороны партнеров, общественности, СМИ и клиентов. От позитивного имиджа напрямую зависят и финансовые успехи спортивных организаций, что является немаловажным фактором в коммерческом успехе любого спортивного мероприятия.

Имидж спортивной организации складывается из следующих составляющих:

1. Формирование персонального имиджа спортсмена. Имидж спортивной команды и персональный имидж спортсмена имеют существенную разницу. Для того, чтобы проанализировать технологии создания имиджа отдельного спортсмена, нужно понять как будет влиять на его имидж команда или клуб. Спорт интересен зрителю в случае зрелищности, за которой интересно наблюдать. Например, современное спортивное фехтование не популярно у зрителей, а фигурное катание, теннис, футбол захватывают зрителя, заставляют переживать. Также необходимо учитывать, что есть командные виды спорта и личные первенства. Как показывает практика многие спортсмены в отличие от политических деятелей и актеров мало заботятся о формировании собственного имиджа. При этом имидж оказывает непосредственное влияние на их спортивные успехи, рекламные контракты, социальное положение и будущее. Как правило, инициативу по формированию имиджа спортсмена берет на себя фирма, обслуживающая данную спортивную команду или спортсмена.

2. Корпоративная репутация спортивной организации. Корпоративный имидж – относительно новое понятие для России. Корпоративный имидж в спорте и в футболе в частности – понятие неоднозначное. Это обусловлено тем, что с одной стороны, репутация спортивной организации, футбольного клуба – это репутация самой компании, которая работает в индустрии спорта и предлагает публике свой продукт. С другой стороны, имидж спортивной организации несет свою специфику, которая отличается от других сферы. При этом спортивные успехи и достижения неразрывно связаны с корпоративной репутацией, невозможны без нее.

Высокий уровень корпоративной культуры подразумевает и защиту интересов сотрудников, приводящей к корпоративной стабильности и последовательности.

Наблюдая благоприятное отношение компании к подчиненным, спонсоры, СМИ, болельщики воспринимают компанию как успешную. В области футбола примером этого служит московский ФК «Локомотив», который позиционируется как клуб без скандалов и революций. Это подтверждается возвращением в клуб ведущих игроков Р. Нигматуллина, С. Овчинникова и др.

Другой аспект формирования внутреннего корпоративного имиджа состоит в том, что многие ФК для позиционирования себя в обществе поощряют участие своих игроков в различных рекламных проектах транснациональных брендов. Такие акции повышают, с одной стороны, репутацию клуба, а с другой приносят солидное денежное вливание. Примером этого служат футболисты ФК «Милан»: Д. Бекхэм – рекламное лицо Pepsi, Adidas, Motorola, Marks&Spencer of Britain, Siemens, Coty, L'Oreal, KLM и др.; Роналдиньо снимался в рекламе Pepsi, Nike, Lays, Lenovo и др.; Кака и Шевченко – в рекламных кампаниях Adidas, Armani, Gillette. Благодаря рекламной активности игроков ФК «Милан» во всем мире ассоциируется с благополучием, солидностью.

Значение имеет и имидж руководителя спортивной организации в глазах партнеров – это помогает им взаимодействовать со спортивными функционерами, решать организационные задачи.

Внешняя репутация. Болельщики. Именно болельщики – потребители спортивных услуг – являются, с одной стороны, наиболее преданными поклонниками определенного спортивного /футбольного/ клуба, а, с другой – яркими представителями общественности, активно выражающие свои эмоции и мнения обо всем. Причем их мнение формируется не только в зависимости от результатов соревнований, но также под влиянием СМИ.

Руководители спортивных клубов постоянно пытаются привлечь новых болельщиков на свои соревнования. Но лишь немногие клубы ведут в данном направлении целенаправленную политику. Обусловлено это тем, что доходы от продажи билетов и абонементов отечественных клубов занимают не первое место в бюджетах спортивных организаций /футбольных клубов/. На Западе в точности до наоборот – именно работа с потребителями приносит клубам наибольший доход. Примерами этого служат популярность английских футбольных клубов Arsenal, Manchester United, испанского – Real Madrid, итальянского – Juventus и др.

Естественно, что в каждом из перечисленных пунктов применяются определенные PR-мероприятия. Не секрет, что PR-службы играют все большую роль в спортивном бизнесе. Благодаря их деятельности спорт стал одной из выгодных сфер спонсирования и инвестирования. Преимущества спорта в том, что он обладает целым

рядом коммуникационных преимуществ, которые при правильном использовании гарантируют успешность позиционирования бренда. Самое главное преимущество спорта – постоянная массовая аудитория. Спорт всегда интересен: в любое время года, при любых политических изменениях в мире. Количество людей, болеющих за определенные соревнования, внимательно следящих за ними, всегда достаточно велико. К примеру, финальный матч последнего Чемпионата Мира по футболу смотрели от 2,5 до 3,5 млрд. человек, а общая аудитория Олимпийских Игр в превысила 22 млрд. чел. [2]. Стабильность также подтверждается и тем, что сезонность, ни события общественно-политической жизни страны, даже дефолты, не влияют на рейтинги спортивных трансляций и тиражи спортивных газет.

Еще одним преимуществом спорта является сильная вовлеченность аудитории. Любой человек, следящий за ходом соревнований, в какой-то мере чувствует свою причастность к спорту, переживает за любимую команду или спортсмена.

Формирование имиджа спортивной организации невозможно без создания и продвижения бренда. В отношении спорта действуют все законы брендинга, однако бренду, например, футбольного клуба свойственна своя специфика. В основе бренда спортивного клуба лежит товар – спортивное зрелище, продукт – результативная, зрелищная игра. Бренд становится запоминающимся, если футбольная команда играет и выигрывает. К составляющим имиджа бренда относят выигранные трофеи, наличие армии болельщиков, наличие современной инфраструктуры клуба, признание тренерского состава. При этом для продвижения бренда футбольному клубу необходимо разрабатывать четкую стратегию и по оптимизации денежных потоков.

Главный фактор в развитии футбольного бренда – не пытаться стать как можно лучше, а пытаться стать лучше настолько, насколько это возможно. Т. е. необходимо четко осознавать потенциал бренда, его возможности. Например, слоган «Динамо» – великий клуб» вызывает только негативные эмоции у болельщиков.

А, например, Real Madrid, может содержать пижона Криштиану Роналду, который как раз и олицетворяет философию данного клуба – самодовольный, эгоистичный, но невероятно крутой.

Еще более жесткие требования в плане соответствия ценностям бренда будут предъявляться к тренерам. Примером служит тренерская работа Фабио Капелло в Real Madrid, перед которым стояла задача сделать мадридцев чемпионами. Но после чемпионского сезона его уволили. Несмотря на титул, игра на удержание минимального счета не соответствовала философии бренда.

Таким образом, одну из главных ролей в успешности деятельности спортивных организаций играет их имидж. Его создание – результат повседневной кропотливой работы футболистов, менеджеров, маркетологов, PR-специалистов и т.д. Имидж спортивного /футбольного/ клуба должен ориентироваться на запросы потребителей – болельщиков и специалистов в сфере футбола. Составными частями работы над созданием имиджа клуба является работа со СМИ, зрителями, органами государственной власти, ведущими спортивными организациями, спонсорами. Причем работа должна быть тщательно спланированной, постоянной и корректной.

Список литературы

1. Гадючкин О. В. Имидж как неотъемлемая часть спортивного маркетинга / О. В. Гадючкин // Индустрия спорта. – 2014. – № 5. – С. 57-58.
2. Хелси И. И. Хидинк поучаствовал в открытой тренировки женской сборной России по футболу. [Электронный ресурс] / И. И. Хелси // Спорт-Экспресс. – Режим доступа: <http://m. /sport/11aug2009/hiddink>.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16.

РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

СИСТЕМНАЯ ОГРАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «МУЖЧИНА»

Дадаян Л.Р.

Пятигорский государственный университет

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Это душа каждого национального языка, в который неповторимым образом отражаются дух и своеобразие нации.

Важной чертой фразеологизма является то, что они создаются носителями языка в процессе всей жизни. Фразеологические единицы отражают все события, изменения, происходящие в истории того или иного народа. Фразеологизмы связаны с общественно -

экономической, производственной, а также социальной, политической, культурной жизнью этноса.

Основная задача фразеологии – познание фразеологической системы языка в её настоящем и истории, в её связях и взаимоотношениях с одной стороны, и грамматики – с другой.

Фразеологическая единица обладает рядом определяющих признаков: стабильностью, устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью значения, расчлененностью своего состава (раздельнооформленностью), незамкнутостью (открытостью) структуры, семантической эквивалентностью слова, непереводаемостью.

В художественных произведениях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами.

Состав фразеологических оборотов с компонентом «мужчина» отличается однородностью по своим стилистическим, эмотивно-оценочным, мотивационным признакам, а также по семантике. На основании указанных признаков могут быть систематизированы все ФЕ данной группы.

I. Рассматривая ФЕ с точки зрения эмотивно – оценочного отношения к характеризваемому объекту следует выделить следующие группы:

- эмотивно – положительные – ФЕ, содержащие положительную оценку объекта: рубаха-парень, рыцарь без страха и упрека;

- эмотивно – отрицательные – содержат отрицательную оценку и эмоции презрения, пренебрежения: олух царя небесного, филькина грамота, шут гороховый (чучело гороховое, пугало гороховое);

- эмотивно-нейтральные – с нулевой оценкой и нейтральными эмоциями: ахиллесова пята, соломенный вдовец, калиф на час, в костюме Адама;

- эмотивно – сбалансированные – содержат как отрицательную, так и положительную оценку, полисемантические ФЕ, одно из значений которых – положительное, другое – отрицательное: валамова ослица; раб божий.

II. Классифицируя фразеологизмы на основе мотивационного признака, можно вычленилть в их составе следующие группы:

- библеизмы и ФЕ, относящиеся к религии: в костюме Адама, от Адама, валамова ослица, раб божий, каинова печать, Фома неверующий;

- ФЕ, этимологически восходящие к литературным произведениям: Калиф на час (выражение восходит к арабской сказке «Сон наяву, или Калиф на час» из сборника «Тысяча и одна ночь»), рыцарь печального образа (от названия Дон – Кихота, героя

одноименного романа Сервантеса), рыцарь на час (от названия стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час»);

- ФЕ, по происхождению относящиеся к историческим событиям: Мамаево побоище;

- ФЕ, этимологическими источниками которых послужила мифология, мифические герои: дамоклов меч, ахиллесова пята, авгиевы конюшни, геркулесовы столбы;

- ФЕ обиходно-эмпирические, основанием для возникновения которых послужили виды деятельности, занятий, межличностные отношения, какие – либо реалии и т.п.: черта лысого, рубаха парень.

III. Стиливая и собственно стилистическая играет существенную роль. Она позволяет глубже изучить семантику и наметить потенциальные пути и возможные границы тех или иных фразеологизмов. В рамках данного аспекта выделяются следующие группы ФЕ:

- межстилевые или стилистически нейтральные ФЕ: вольный казак, на холостяцкую ногу, соломенный вдовец, калиф на час, филькина грамота, рыцарь на час, рыцарь без страха и упрека, в костюме Адама, при царе горохе, с царем в голове, без царя в голове, чем черт не шутит, одному черту известно;

- разговорные (просторечные) ФЕ: не на дурака напал, чертова перечница, показать кузькину мать, как Мамай прошел, нашел дурака, сам черт ногу сломит, тьфу ты черт, разыгрывать шута горохового, набитый дурак и т.д.;

- книжные ФЕ: каинова печать, гордиев узел, варфоломеевская ночь, геркулесовы столбы, двуликий Янус, авгиевы конюшни, муки Тантала, прометеев огонь, эзопов язык, дамоклов меч.

IV. Основанием следующей классификации служит обозначаемое лицо предмет или действие, а точнее, принадлежность обозначаемого объекта к понятию «мужчина» или отсутствие таковой. Выделением такого признака мы обязаны тому, что значение ФЕ не складывается из суммы значений его компонентов. Исходя из этого, мы выделяем две группы фразеологизмов:

1. ФЕ, имеющие отношение к мужчине и характеризующие его: соломенный вдовец, рыцарь без страха и упрека, рыцарь на час, рыцарь печального образа, в костюме Адама, вольный казак, нашел дурака, набитый дурак, рубаха – парень, не дурак, петый дурак, олух царя небесного, маменькин сынок, на холостяцкую ногу, ни сват ни брат;

2. ФЕ, не имеющие отношения к мужчине: от Адама, свой брат, на брата, ваш брат, наш брат, чертова перечница, показать кузькину мать, как Мамай прошел, мамаево побоище, мамаево нашествие, наобум Лазаря, петь Лазаря, черта с два! что за черт,

кондрашка хватил, на кой черт, ни один черт, сам черт не разберет, черт дернул, черт носит, разыгрывать шута горохового, брать на арапа, заправлять арапа, всем чертям тошно, чертова дюжина, черта лысого, по Сеньке и шапка, мафусаиловы года прожить, тришкин кафтан, Фома неверующий, валаамова ослица, раб божий, ни Богу свечка ни черту кочерга, как черт от ладана, Андроны едут; до черта, черт знает что такое, до чертиков, к черту на кулички; черт его знает, черт попутал, ахиллесова пята, гордиев узел, разрубить гордиев узел, Варфоломеевская ночь, геркулесовы столбы, двуликий Янус, авгиевы конюшни, муки Тантала, прометеев огонь, калиф на час, Филькина грамота, демьянова уха, каинова печать, шут гороховый, чем черт не шутит.

V. Данная классификация ФЕ имеет тематическую ориентацию, основанную на денотативном аспекте значения, точнее – его категоризирующем компоненте. По сути, она представляет собой идеографическую, или семантическую, классификацию, где денотативным комплексом, отображающим внеязыковую действительность выступает таксон «мужчина». Приведем некоторые идеографические поля:

- свойства лица, характера: маменькин сынок, рыцарь без страха и упрека, рыцарь на час, рыцарь печального образа, Фома неверующий, Валаамова ослица, ни Богу свечка ни черту кочерга, двуликий Янус, рубаха – парень;

- свойства лица, квалифицируемые по умственным способностям, интеллекту: набитый (круглый дурак), нашел дурака, с царем в голове, без царя в голове; олух царя небесного;

- эмоциональные состояния: чертова перечница; черта лысого, какого черта, черт знает что;

- обозначение места или месторасположения: у черта на куличках, куда Макар телят не гонял;

- обозначение времени: от Адама, мафусаиловы года прожить;

- социальное положение человека: калиф на час, вольный казак, раб Божий.

- обозначение отношений людей - ФЕ с реляционным основанием: свой брат, наш брат, ни сват ни брат, соломенный вдовец;

- поведенческие акции социального характера и их последствия: Варфоломеевская ночь, как Мамай прошел, Мамаево побоище;

- обозначение чувств – состояний и чувств – отношений: муки Тантала, Прометеев огонь; по Сеньке и шапка;

- идентифицирующие наименования (их функция состоит в том, чтобы описать объект в его мотивационно – категориальных признаках): ахиллесова пята, дамоклов меч, каинова печать, демьянова уха;

- артефакты: филькина грамота, авгиевы конюшни.

Список литературы

1. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. - М.: – Русский язык, 1986. – С. 543.
2. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. - С. 140-161.
3. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. Л.: Наука, 1977. – С. 283.
4. Попов, Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов / Р. Н. Попов. М.: Высшая школа, 1976. – С. 200.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 352.
6. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. Изд. 5-е, испр. и доп. / Н.М. Шанский – М.: Книжный дом «ЛИБРИ - КОМ», 2010.

НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Лановая Т.В.

ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», г. Симферополь

Аппелятивная лексика, называющая людей по месту их жительства, соотносится с топонимикой региона, является периферийной зоной ономастики и привлекает внимание лингвистов из различных областей знания. Так, изучение катойконимов и этнохоронимов, терминов-синонимов, используемых для обозначения людей по месту их жительства, актуально для специалистов в области дериватологии, лексикологии (в т.ч. неологии, семантики), регионалистики, диалектологии, лексикографии.

Актуальность данных исследований продиктована необходимостью изучения механизмов образования и функционирования в официальной и неофициальной речи крымских номинаций для обозначения жителей конкретного населенного пункта или региона, а также изучения процессов речетворчества носителей русского языка, порождающих появление окказиональных вариантов катойконимов.

Отечественная лексикография располагает рядом словарей и справочников, регламентирующих нормативные этнохоронимы, например: «Русские названия жителей: Словарь-справочник» (Городецкая И.Л. и др. 2003), «Словарь названий жителей (РСФСР)» (Бабкин А.М., 1964, 1975), «Страны и народы: происхождение названий» (Агеева Р.А., 1990), «Какого мы роду племени?» (Агеева Р.А., 2000), «Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей (Левашов Е. А., 2000) и другие. Современная лексикография фиксирует нормативное словоупотребление самых известных, крупных, значимых населенных пунктов, к сожалению, не охватывая все ойконимы.

Изучению катойконимов России посвящены работы М.В. Арапова, М.В. Ахметовой, А.И. Грищенко, А.А. Дементьева, М. Журек, Ю.В. Соловьевой, Л.П. Катлинской и др. Изучение крымских этнохоронимов – актуальная задача крымской русистики.

В современном русском литературном языке нормативным признается образование названий жителей населенных пунктов с помощью суффикса –ец, а также суффиксов –анин /-чанин в случае определенных структурных ограничениях слова, такие суффиксы, как -ин, -ак, -ич относятся к малопродуктивным или непродуктивным [2].

В рамках данной работы на материале новостных и информационных интернет-источников, а также публикаций в социальных сетях, блогах, дневниках и т.д. мы проанализировали различные нормативные и окказиональные наименования жителей различных населенных пунктов Крыма.

Собранная картотека, не включающая катойконимы с суффиксами –(')онок-(')ата, со значением незрелости, малости и ничтожности, позволяет сделать следующие выводы.

В официальной речи (документы, законы, выступления официальных лиц и т.д.) распространена и преобладает модель «житель + (название населенного пункта в Р.п.)».

Распространенной является модель с продуктивным суффиксов –ец для образования этнохоронимов мужского рода.

Окказиональные и нормативные номинации, помимо назывной, выполняют в тексте и другие функции. Рассмотрим на примерах, которые представлены в соответствии с авторским написанием.

Эмоциональная функция заключается в потребности говорящего наиболее точно выразить мысль, свое отношение к объекту описания. В таком случае окказиональные катойконимы являются стилистически окрашенными единицами, часто выражающими иронию или сатиру, привлекающими внимание слушателей или читателей.

Потребность носителя языка выразить мысль кратко объясняет сокращение нормативного словосочетания до одного слова. Такую функцию крымские катойконимы

выполняют не только в устной речи по закону экономии речевых усилий, но и в заголовках публицистических текстов для привлечения внимания читающих.

Симферопольцы смогут совершить паломничество в святые места России и мира. **Жители Симферополя** с 25 по 28 августа могут совершить духовное паломничество в святые места России и мира <...> (<http://news.allcrimea.net/news/2016/8/25/simferopoltsy-smogut-sovershit-palomnichestvo-v-svyatye-mesta-rossii-i-mira-64723/>, 25.08.2016).

Ялтинка на пути к Олимпиаде показывает отличные результаты (Сайт г. Ялты 10.06.2016 <http://www.3654.ru/news/1256353>).

Керчанин и **феодосиец** погибли от удара молнии (<http://kerch.fm/2016/07/11/kerchanin-i-feodosiec-pogibli-ot-udara-molnii.html>, 11.07.2016).

Синонимическая функция. Потребность избежать тавтологии в устной и письменной речи стимулирует носителей русского языка на языковые новообразования.

Симферопольцы недовольны работой «СимСитиТранса». Предприятие «СимСитиТранс» продолжает обслуживать **жителей Симферополя**, но **горожане** недовольны санитарным состоянием маршруток <...> (РИА Крым: <http://crimea.ria.ru/society/20160531/1105316343.html>, 31.05.2016).

Гаспринка благодарит коллектив «Стоматологии на Риекской» за спасение своей улыбки. В то время, как тенденцией стало критиковать состояние медицинских услуг в Крыму, важно в шквале не критики не упустить реальные истории из жизни **крымчан**, показывающие и обратную сторону «медали». 3654 публикует письмо **жительницы Гаспры** Зои Скороход (Сайт города Ялты <http://www.3654.ru/news/1251912>, 07.06.2016).

Феодосиец распространял фальшивые деньги в Восточном Крыму. В Крыму, 31-летний **житель Феодосии** приобрел не менее полусотни фальшивых пятитысячных купюр и активно сбывал их на протяжении июля 2014 года (ФМ. 20.07.2016 <http://kerch.fm/2016/07/20/feodosiec-rasprostranyal-falshivye-dengi-v-vostochnom-krymu.html>).

Необходимо отметить, что некоторые катойконимы из приведенных примеров выполняют одновременно несколько функций и по этому признаку могут быть отнесены в другую категорию.

Большинство зафиксированных катойконимов сохраняют трехчленную (нормативную) парадигму: Алушка — алушкинец, алушкинка, алушкинцы; Алушта — алуштинец, алуштинка, алуштинцы; Бахчисарай — бахчисараец, бахчисарайка, бахчисарайцы; Белогорск — белогорчанин, белогорчанка, белогорцы; Евпатория — евпаториец, евпаторийка, евпаторийцы; Керчь — керчанин, керчанка, керчане; Саки — сакчанин, сакчанка, сакчане; Симферополь — симферополец, симферопольчанка,

симферопольцы; Судак — судакчанин, судакчанка, судакцы; Феодосия — феодосиец, феодосийка, феодосийцы; Щёлкино — щёлкинец, щёлкинка, щёлкинцы; Ялта — ялтинец, ялтинка, ялтинцы и др. [3; с. 335].

В силу неблагозвучности или омонимичности некоторые из нормативных, кодифицированных катойконимов не употребляются, создавая неполную парадигму. Например, при необходимости выразить значение «*житель/жительницы города Армянска*» не используются «разрешенные» однословные образования: *армянец, армянка*. Также нами не зафиксированы контексты с употреблением лексем *красноперекочанин, красноперекоччанка*.

Понизовцы! Помогите найти Зину Филиппову! Однако *понизовка* и *понизовец* не зафиксированы. Стоит отметить, что форма *понизовец* употребляется при описании быта и жизни казаков Запорожской Сечи, а *Понизовка* – название населенного пункта Крыма.

Летом **казак-понизовец** — в походе или где-то странствует <...> (Байдебуря П.А. сборник «Искры гнева»).

В лингвистике описан феномен, при котором формы мужского или женского рода, например, этнонимы, т.е. называющие людей по этническому признаку, создают омонимичные формы, например, *испанец – испанка* (грипп), *финн – финка* (нож), *поляк – полька* (танец), *москвичка – москвич* (автомобиль) и т.д.

Зафиксированы *коктебелевец* и *коктебелевцы*, форма женского рода отсутствует.

С интервалом в два года С.Алиханов создал два фильма для Интернета о творчестве и жизни Виктора Гофмана, где старый «малеевец» и «**коктебелевец**» читает свои стихи <...> (<http://mytashkent.uz/2015/11/01/viktor-gofman-iz-koktebeliya/>).

Наравне с нормативным названием «*жителей Судака*» – *судакчане* употребляется *судакцы*, образованное с помощью продуктивного суффикса -ц- по аналогии с *алупкинцы*, *джанкойцы* и др.

А вот на то, чтобы их съесть – **судакцам** понадобилось меньше часа (25.02.2012 <http://ru.tsn.ua/ukrayina/krymchane-za-obe-scheki-upletali-rekordnyu-bashnyu-iz-blinov.html>).

Судакчане решили из-за салата не драться (http://crimea.vgorode.ua/news/dosuh_y_eda/152852-v-krymu-sdelaly-18-metrovuui-seledku-pod-shuboi-).

В то же время наряду с малоупотребительными лексемами *алуштинка* и *алуштинцы* параллельно употребляются формы, образованные с суффиксом -ян: «Город курорт превращается в город базар», – возмущаются *алуштяне* и *алуштянки* (http://buggybugler.info/video/krym_mestnye_zhivut_bydla-83.html).

Особый интерес представляю параллельные формы, противопоставленные между собой семантически:

Люди, оставайтесь *БелоГОРЦАМИ*, а не *БелоГОРЧАНАМИ* – тянущими горькое существование и терпящими только горечь потерь... (Блог О.Зубкова, 11.02.2016 г. http://olegzubkov.blogspot.com/2016/02/blog-post_35.html).

Выводы. Исследование процесса образования и функционирования крымской оттопонимичной лексики, в частности катойконимов, нуждается в дальнейшем изучении, т.к. это представляет большую практическую ценность и теоретическую значимость для региональной русистики, например, для составления словарей, справочников, курса «Крымоведение».

Изучение крымской топонимики и ее производных после присоединения Крыма к Российской Федерации и процесса возвращения исторических названий ойконимам дает богатый лингвистический материал для исследования не только деривационных процессов, но и изменения в региональной картине мира, которая запечатлена в ономастических и производных от нее апеллятивных единицах. В этом мы видим перспективу дальнейшего исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-04-00080 (а) «Русистика в республике Крым»).

Список литературы

1. Ахметова М. В. Названия детей по месту жительства в современном русском языке (по электронным источникам) / М. В. Ахметова // Вопросы ономастики. – 2014. – № 2 (17). – С. 120-128.
2. Граудина Л.К. и др. Грамматическая правильность русской речи [Текст]: стилист. словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская; РАН, Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. – 2-е изд., испр. и доп. - М. : Наука, 2001. – 557 с.
3. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 168 с.
4. Словарь названий жителей РСФСР / А.М. Бабкин. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 399 с.
5. Соловьева Ю. В. Кодеривация суффиксальных оттопонимических существительных / Ю. В.Соловьева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). – С. 160-161. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2011/10/63.html.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖАРГОНИЗМОВ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ 1990-х гг.)

Лонская А.Ю.

Российский университет дружбы народов, г. Москва

В 1990-е годы в русском языке, также как и в политической жизни России произошли существенные изменения. Всеобщее стремление к демократизации привело к обновлению не только в различных сферах жизни, деятельности человека, но и в русском языке. Менялись нормы, правила, особенности использования языка. Тексты статей, посвящённых политическим событиям 1990-х, являются ярким примером использования нового русского языка, т.к. в подобных текстах актуальные события иллюстрировались максимально актуальным языком. Существенное место в лексике рассматриваемого периода заняли жаргонизмы, став одной из характерных черт языка газетной публицистики. Исследователь Н.И. Клушина пишет: «Отмена цензуры (внешней и внутренней), провозглашение свободы слова, снятие идеологических фильтров, децентрализация информации (открытие многих ранее закрытых источников - военный бюджет, жизнь армии и пр.) привели к качественному изменению облика современной прессы» [Клушина 2003, 94].

Изучением жаргонизмов, а также особенностей их существования в языке газетной публицистики занимались многие исследователи [Волкова 1995; Грачёв 1999, 2003; Ермакова 1991; Клушина 2003; Костомаров 1999; Сурикова 2004; Овсиенко 2002]. Использование жаргонизмов в газетных текстах политических статей 1990-х гг. представляет собой языковой феномен, определивший развитие, характер языка того времени.

Актуальность избранной темы заключается в том, что она до настоящего времени всё ещё не стала предметом комплексного анализа.

Цель статьи - рассмотреть особенности использования жаргонизмов в газетных текстах, посвящённых политическим событиям 1990-х гг.

В данной работе автором сделана попытка рассмотреть особенности использования жаргонизмов в газетной публицистике 1990-х гг., влияние жаргонизмов на стиль языка газеты. Основное внимание в статье акцентировано на том, с какой целью используется жаргон в текстах политических статей, а так же на классификации исследованных лексических единиц.

В соответствии с заданной целью автором предпринята попытка сделать обзор жаргонизмов, дав им краткую характеристику.

Предметом исследования стал анализ жаргонной лексики и словосочетаний, использовавшихся в текстах статей.

Материалом исследования стали тексты газет «Правда», «Известия», «Московский Комсомолец», «Независимая газета», «Завтра». Выбор печатных изданий обусловлен тем, что они отражали различные политические настроения, существовавшие в постсоветской России: в текстах газет «Известия», «Московский Комсомолец», «Независимая газета» иллюстрировалось положительное или индифферентное отношение к новой, демократической власти, в текстах газет «Правда», «Завтра» создавался негативный образ власти. Автором статьи предпринята попытка отметить особенности использования жаргонной лексики в текстах максимально различных по своей идеологической направленности печатных изданиях.

Исследование проводилось с привлечением словаря-справочника лингвистических терминов Д. Э. Розенталя.

Использование сопоставительного метода, метода комплексного анализа, лингвокультурологического подхода позволило автору объединить проанализированную жаргонную лексику в следующие группы слов и словосочетаний: воровской жаргон, молодёжный жаргон, политический или управленческий жаргон.

Проведённый анализ текстов показал, что задача жаргонной лексики на страницах отечественной прессы, иллюстрирующей политические события 1990-х гг, была в том, чтобы описывать новые явления в жизни российского общества с помощью нового языка. Жаргонная лексика стала одной из важнейших составляющих языка газеты, она стала появляться не только в бытовой, устной речи, но и в обновленном лексическом составе языка печатных СМИ. Данная лексика оказала большое влияние на стиль газетных статей, приближая его к разговорному, бытовому стилю. Этот факт отмечал В.Г. Костомаров, исследователь писал о том, что размытость границ между различными сферами коммуникации, повлекшая за собой включение в язык газеты различного рода и степени приличия разговорной лексики, привела к разрушению стилистической последовательности: «Особенно раскрепощёнными стали полемические тексты в области политики, межпартийной борьбы, дискуссий власти» [Костомаров 44, 1999]. Всеобъемлющая демократизация жизни общества, его языка привела к тому, что жаргон вышел за рамки закрытых социальных групп, в которых он использовался прежде, став общеупотребительной лексикой. Особенно ярко жаргонная лексика проявлялась в текстах

статей, посвящённых политике государства, т.к. возможность обсуждения данной темы с помощью нового языка, появилось только благодаря новому обществу, новой власти.

Использование жаргонизмов при описании различных политических событий внутри страны создавало патетически-насмешливое к ним отношение. Присутствие жаргонной лексики приводило к снижению эстетических, этических характеристик текста. Жаргонизмы в политических статьях были призваны создавать определённый образ власти. Власть на страницах газет представлялась свободной, народной, лишённой предрассудков и одновременно склонной к нечестным поступкам, обманным речам. В текстах печатных СМИ 1990-х годов присутствует *воровской жаргон* «...России денег отстегнули...» [Московский комсомолец 6.04.93], «...уже дерут за всё...» [Правда 2.06.93]; *молодёжный жаргон* «...тусовка президента...» [Правда 1.06.93], «*туфта* об отдельных квартирах» [Правда 2.06.93]; *политический или управленческий жаргон* «политическая *текучка*» [Независимая газета 22.05.93], «*утечка кадров*» [Известия 20.05.95], «*номенклатурная единица* верховного совета» [Московский комсомолец 2.04.93], «Мандат на *чистку*», «... *сбросить*» Куликова с ключевого поста...», «...*пересадить его*... в кресло первого вице-премьера» [Завтра 28.12.96].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что присутствие жаргонной лексики в политических статьях 1990-х гг., способствовало созданию яркого образа современной политической жизни страны. Использование жаргона было призвано вызвать у читателя определенные эмоции, акцентировать его внимание на собственном отношении к описываемой политической ситуации, информативность же текстов с использованием жаргона отходила на второй план. Жаргонная лексика, а именно воровской, молодёжный, политический и управленческий жаргон, в различных по своей идеологической составляющей изданиях, использовалась с одинаковой целью – создать у читателя определённый образ о новой политической ситуации в стране. Данная лексика оказала существенное влияние на стиль газетных статей, т.к. внесла в него изменения, способствующие эволюции языковой нормы.

Список литературы

1. Волкова Н. А. Современный молодежный жаргон как лингвоэкологическая проблема // Речь города: Тезисы докладов Всероссийской межвузовской научной конференции. Омск, 1995. -Ч. 1.-С. 43-52.
2. Грачев М. А. Способы словопроизводства в современном молодежном жаргоне //Горьк. гос. пед. иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова. Горький, 1999. - 10 с.
3. Грачев М. А. Жаргонизация русской речи: размывание нормы и

трансформация сознания современного человека // Inter-cultural-net/-Владимир, 2003. Вып. 2. - С. 10-11.

4. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. - 320 с.

5. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Журналистика и культура русской речи. Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах: междунар. конф., Москва, 17-18 апреля 2003 года. М., 2003.

6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1999.

7. Лю Цзе Использование жаргонизмов в заголовках российских газетных статей Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 2006.

8. Сурикова Т.И. Этические проблемы языка массовых коммуникаций: молодёжные СМИ, политическая и потребительская реклама // Вести. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2004. №1 С.86

9. Овсиенко Ю.Г. Ненормативная лексика и язык современных СМИ // Социальные варианты языка: материалы междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 25-26 апреля 2002 года. Н. Новгород, 2002.

10. Розенталя Д. Э. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды М., 1980.

11. Розенталя Д.Э. Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1976.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

(ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

ФОРМА НЕДАВНОПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С ХАКАССКИМ, АЛТАЙСКИМ
И ТУВИНСКИМ ЯЗЫКАМИ)¹

Ефремов Н.Н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

Грамматический строй якутского языка принципиально не отличается от других тюркских языков. Однако этот язык рано отделился от родственных тюркских языков и развивался изолированно от них, взаимодействуя с языками другого строя – монгольским, эвенкийским и эвенским.

Е.И. Убрятова показала, как современный якутский язык со всеми его особенностями складывался в результате взаимодействия древнего тюркского языка, близкого к языку орхонских текстов, с другими древними тюркскими языками, через длительное двуязычие с каким-то монгольским языком и в результате распространения этого языка в тунгусоязычной среде [10, с.7]. Якутский диалектолог С.А. Иванов, опираясь на положения Г.В. Ксенофонтова и результаты своих изысканий по диалектной системе якутского языка, высказывает другое предположение относительно места распада единого древнего якутского языка и характера образования его диалектов. Он утверждает, что акающие и окающие говоры якутского языка «сформировались не в результате распада единого языка в Среднеленском крае, а в итоге объединения двух основных племенных групп. Распад древнеякутского языка произошёл за пределами современной территории Якутии, где-то в области Циркумполярного региона или в Верхнеленском крае» [4, с. 233].

В грамматический строй якутского языка по своей основе сходится с другими тюркскими языками. В нем имеется много средств, которые присущи и в других тюркских языках. Одними из таких средств являются формы, которые употребляются при обозначении категории эвиденциальности.

В якутском языке для выражения эвиденциальности используются определенные формы времени глагола изъявительного наклонения, прежде всего, форма на =*m* (недавнепрошедшее время / претерит) [2].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16 – 14 – 14004 а (р)

В других тюркских языках эвиденциальные значения тоже проявляются в форме указанного времени. Исследователи пишут, что в современных тюркских языках, а также в языке памятников древнетюркской рунической письменности (8–9 веков н.э.) в формах прошедших времен существует и существовало четкое системное противопоставление претерита (недавнопрошедшего времени. - *H.E.*) =*di* и перфекта =*mis* по признаку эвиденциальности [6, с.473]. Претерит =*di* выражает очевидность, несомненность события, причем говорящий или лично его наблюдал, или участвовал в нем, или знает о нем из абсолютно точных источников, а форма на =*mis* передает «заглазное», неочевидное событие, о котором говорящий знает из косвенных источников [Там же].

Системное противопоставление формы на =*du* (только очевидное действие) и перфектной формы на =*gan* (~=*миш*) как неочевидной отмечается в тувинском языке и частично в тофаларском, в других тюркских языках различие этих форм по эвиденциальности в основном имеет нерегулярный характер [Там же, с. 474]. Обе эти формы противопоставлялись в древнетюркском в повествовательном режиме – простом нарративе только по видовому признаку: =*mis* (или =*gan*) как типичный перфект с результирующим значением (создание фона); =*di* как форма прошедшего времени, лишенная видовых и модальных признаков, для передачи последовательных событий. Эти же функции сохраняются и в современных тюркских языках [Там же].

В данной статье якутская форма недавнопрошедшего времени изъявительного наклонения с эвиденциальным смыслом освещается в сопоставлении с хакасским, алтайским и тувинским языками.

Во временном значении данной якутской формы наличествует семантика прямой засвидетельствованности, что отмечается в трудах якутоведов: основное значение этой формы «состоит в выражении определенного, совершенного незадолго до момента речи, действия-состояния, очевидцем которого является само говорящее лицо или в выражении действия-состояния, известного из таких источников, объективность которых для говорящего не подлежит сомнению» [7, с. 71]. Примеры: *Үүйэ таһырдьа ыстанна* [8, с. 31] 'Юя выскочила на улицу'; *Сарт кутуруга буола саһарбыт халдьаайы саҕатыттан сүөлү орулуура ынырыктык сатараан иһилиннэ* [1, с. 8] 'С окраины южного склона косогора, который пожелтел, словно хвост сокола, донесся, страшно отдаваясь, рев скотины'.

В вышеприведенной последней фразе имеет место подлежащая зависимая часть, описывающая аудитивный факт (рев скота), что воспринимается слуховым способом, представленным аудитивным глагольным сказуемым главной части. Главное сказуемое

выражено глаголом недавнопрошедшего времени в форме страдательного залога, и свидетель события в языковом плане характеризуется как обезличенная.

В нижеследующем сложном предложении – построении бессоюзного типа сказуемое препозитивной предикативной единицы выражено глаголом физического воздействия на объект, а предикат постпозитивной единицы представлен глаголом перемещения. Данное предложение используется в нарративном режиме в художественном тексте. В подобных случаях форма недавнопрошедшего времени, которая в условиях конкретного коммуникативного акта имеет значение прямой засвидетельствованности, характеризуется стилистической функцией, представляющей описываемое событие как происходящего на глазах у читателя: *Сиидэ́ркэ дьэ́этин аанын аста, Бэ́дэр Харах сааранныы түһээт, кири́стэ* [1, с. 9] ‘Сидорка открыл дверь дома, Рысий Глаз, немного замешкавшись, тоже зашел с ним’.

В хакасском, алтайском и тувинском языках к якутской форме на =*t* соответствует форма на =*ды*. В хакасском языке указанная форма выражает «действие, совершившееся, с точки зрения говорящего, недавно, непосредственно перед моментом речи» [3, с. 208]: *Городьми соох тычырап читти* ‘В мой город пришел трескучий (букв. треща) мороз’. В алтайском языке маркированная форма на =*ды* передает только непосредственно воспринятое действие: *Энем иштең једип келди* ‘Мать пришла с работы’ [9, с. 122]. В тувинском языке подобная форма тоже описывает действие, воспринимаемое непосредственно говорящим: *дирлип келдиң* ‘ты ожила’ («старик со старухой рассказывают девушке, как они только что ожили у них на глазах») [5, с. 367]

Таким образом, форма недавнопрошедшего времени изъявительного наклонения в якутском языке является морфологическим средством выражения прямой эвиденциальности. Данная форма имеет в хакасском, алтайском и тувинском языках структурно-семантический эквивалент, выраженный формой на =*ды*.

Список литературы

1. Гоголев И.М. Хара кыталык: Роман. – Якутск, 1979.
2. Данилова Н.И., Ефремов Н.Н., Самсонова Е.М. Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – 249 с.
3. Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Главная редакция вост. лит.-ры, 1975. – 418 с.

4. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2014. 248 с.
5. Исхаков Ф.Х., Пальмбаха А.А. Грамматики тувинского языка: Фонетика, морфология. М.: Изд-во восточ. лит., 1961. – 472 с.
6. Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А., Шенцова И.В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей в памяти Н.А. Козинцевой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469-518.
7. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. –307 с.
8. Попов Л.А. Күндэли. – Якутск, 2004.
9. Скрибник Е.К., Озонова А.А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. – Новосибирск: ООО “Ника”, 2005. – С.12—146.
10. Широбокова Н.Н. Предисловие // Е.И. Убрятова. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 3-11.

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

УЧЁТ СТРАНОВЕДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕРМАНИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ - МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Беляева И.Г.

Московский государственный институт международных отношений, г. Москва

Московский государственный институт международных отношений готовит студентов по различным направлениям для работы в международных организациях, иностранных фирмах и компаниях. Одним из старейших факультетов МГИМО является международно-правовой факультет, который, с одной стороны, продолжает традиции выдающихся педагогов, заложивших основы преподавания юриспруденции в МГИМО, с другой стороны, соответствует современным требованиям, предъявляемым к факультетам, готовящим специалистов такого рода. Отличительной особенностью подготовки студентов-юристов в МГИМО, как замечает Г. Гостопятенко в одном из

интервью, является то, что «профессиональная подготовка происходит в сочетании с изучением иностранных языков, причем максимальное количество часов выделяется именно на язык специальности» [Толстопятенко]. Как же осуществляется работа над иностранным языком в МГИМО? Преподаватель кафедры немецкого языка московского государственного института международных отношений Орехова О.Е., имеющая большой опыт работы на факультете журналистики, в статье «Формирование языковых компетенций студентов факультета журналистики МГИМО» отмечает, что при подготовке будущих журналистов-международников обучение немецкому языку должно сочетать в себе такие компоненты, необходимые для успешного обучения, как: «развитие разговорных навыков, изучение теоретической части и письменная практика, знакомство с современной языковой культурой и основами страноведения, употребление изученного материала в реальных жизненных ситуациях» [Орехова 2010: 113]. Данный подход имеет место и на международно- правовом факультете МГИМО. Известно, что «юридический перевод предъявляет специальные требования к языку и стилю изложения, а именно точность в формулировках, логичную структуру и достоверность содержания» [Ширяева 2013: 322]. Но юридический перевод - это не только способность виртуозно переводить юридическую терминологию, но и знание традиций, особенностей страны, менталитета местного населения, без которого плодотворная работа в различных международных компаниях в качестве юриста практически невозможна.

Иностранные компании часто привлекают для работы с российскими клиентами российских специалистов, так как они понимают необходимость учёта российского менталитета для успешного сотрудничества.

Несмотря на то, что после девальвации рубля граждане, получающие доход в российской валюте, стали приобретать гораздо меньше зарубежной недвижимости, интерес, тем не менее, к иностранной недвижимости существует и в настоящий момент. Помимо юридических тонкостей оформления сделки существует большое количество нюансов, связанных с особенностью менталитета. Недостаточное внимание к таким тонкостям может привести к негативным последствиям для клиента, совершающего сделку по приобретению зарубежной недвижимости.

На рынке недвижимости Германии выставлено на продажу большое количество квартир, сдающихся в аренду. По представлениям российских граждан договор аренды можно расторгнуть в любой момент и это не составляет в России особого труда. Совсем не так просто расторгнуть с арендатором бессрочный договор аренды в Германии, так как арендаторы более защищены законом, чем арендодатели. Для того, чтобы выселить арендатора в Германии хозяину недвижимости нужны веские основания, такие как

нарушение правил пользования жильём или необходимость использования собственником данной жилплощади для личного проживания, что ещё необходимо доказать. Причём, чем дольше собственность в аренде, тем раньше необходимо предупреждать арендатора об освобождении занимаемого помещения, иногда даже за 9 месяцев.

При сдаче недвижимости в аренду необходимо понимать значение термина *Kaltmiete*. *Kaltmiete* – это сумма, которую необходимо платить за аренду без учёта пользования холодной и горячей водой, вывоза мусора, отопления, газа и др. расходов. Электричество оплачивается напрямую поставщику электроэнергии, которого арендатор может выбрать сам. А понятие *Warmmiete* включает в себя затраты на вывоз мусора, водоснабжение и водоотвод, затраты на *Hausmeister*. *Hausmeister* уполномочивается собственниками жилья следить за порядком в жилом комплексе, в котором он обычно и проживает. При помощи центрального отопления *Fernwärme* в нашем понимании отапливаются целые районы. Оно находится преимущественно в бывших восточных землях Германии, на территории западной Германии данный вид отопления не получил особого распространения. Более распространено *Zentralheizung*, когда нагревающий источник расположен в доме и таким образом отапливаются помещения или квартиры. В многоквартирных домах распространено поэтажное отопление *Etagenheizung*, то есть на каждом этаже свой источник отопления. Если есть газовое поэтажное отопление *Gasetagenheizung*, то арендатор может самостоятельно выбрать себе поставщика.

При выборе недвижимости необходимо также иметь ясное представление об этаже. Всем известно, что первый этаж в Германии называется *Erdgeschoss*. Часто недвижимость располагается чуть выше, чем обычный первый этаж и если от края окна до земли не меньше чем 1,94 метра – то такой этаж называется *Hochparterre*. Соответственно первым этажом является российский второй.

Затраты на *Hausmeister*, уход за садом, вывоз мусора, уборка территории, водоснабжение, услуги управляющей компании, ремонт здания взимаются с собственника в виде *Hausgeld*, которые иногда именуют *Wohngeld*, что не корректно, так как *Wohngeld* это социальная выплата малоимущим гражданам, компенсирующая данные расходы.

Нумерация многоквартирных домов соответствует подъездам, то есть домом *Haus* называется подъезд. Нумерация квартир обычно отсутствует, указываются фамилии собственников или арендаторов.

Мусоропроводы в Германии практически прекратили свое существование, что связано с сортировкой отходов.

Немаловажную роль при содержании недвижимости играет собрание собственников жилья, на котором помимо отчёта управляющей компании решаются путём открытого голосования насущные проблемы собственников в многоквартирном доме: озеленение общей территории или, наоборот, вырубка деревьев, разрешение на остекление балконов или установки маркизы.

Даже если клиент выбрал определённый объект для покупки, это не означает, что он сможет его купить. Для начала необходимо получить разрешение управляющей компании на данную сделку.

«Знакомство с современной языковой культурой и основами страноведения, употребление изученного материала в реальных жизненных ситуациях» [Орехова 2013: 74] должно быть неотъемлемой частью не только общей языковой подготовки, но и языка специальности, ведь «в основе любой системы лежит знаковая система, с присущими ей национальными особенностями» [Ширяева 2016: 95].

Список литературы

1. Орехова, О.Е. Формирование языковых компетенций студентов факультета журналистики МГИМО/ О.Е. Орехова // Филологические науки в МГИМО.- М., 2010. - С. 107-113.
2. Орехова, О.Е. Формирование языковых компетенций у студентов факультета журналистики МГИМО / О.Е. Орехова // Иностранные языки: теория и практика. – 2013. – № 1 (17). – С. 71-76
3. Толстопятенко, Г.П. «Такой правовой школы, как на МП, нет ни в одном другом вузе России!» http://mgimo.ru/about/news/main/g-tolstopyatenko-int-22-03-16/?sphrase_id=964699
4. Ширяева, Н.В. Структурные и языковые особенности построения юридических текстов в Германии на примере статей законов и необходимость их концептуализации в процессе обучения студентов немецкому языку как языку профессии/ Н.В. Ширяева// Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы ежегодной международной конференции. Москва, 19-20 апреля 2013 г. – Москва: РУДН, 2013.- С.321-326
5. Ширяева, Н.В. Особенность восприятия немецких юридических текстов с учётом их диатопных и диастратных составляющих / Н.В. Ширяева // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе=LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP& STST):

СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» И «ДИСКУРСИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВОЙНЫ»

Королева Т.А.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Одним из первых теоретиков информационной войны признан Мартин Либики. В работе «What is Information warfare?» автор рассматривает этот феномен как информационные воздействия, включающие защиту, манипулирование, искажение и опровержение информации. Исследователь описывает семь форм информационного противодействия: командно-управленческую, разведывательную, электронную, психологическую, хакерскую, экономико-информационную, кибервойну. Важной составляющей информационной войны являются семантические атаки, направленные на введение противника в заблуждение путем воздействия на информацию противника, основанные на ней процессы и информационные системы [Libicki, 1995]. Семантическая атака направлена на «органы чувств» компьютерной системы, контролирующей какой-либо процесс с помощью датчиков. Обмануть эти датчики или другие средства ввода — значит вывести систему из строя, ничего в ней не нарушив [Libicki, 1995: 77—78].

А.В. Бедрицкий, Г.Г. Почепцов, И.Н. Панарин рассматривают информационную войну в режиме информационно-пропагандистских и информационно-психологических операций, которые осуществляются посредством СМИ [Бедрицкий, 2008; Почепцов, 2000, 2002; Панарин, 2001]. Такое понимание информационной войны соотносится с семантической атакой по теории М. Либики. Принцип семантической атаки может быть рассмотрен не только в связи с компьютерными сетями, но и на уровне лингвистики как эффективный инструментальный по внедрению информации с целью изменения в желаемом направлении мнений, взглядов, ценностных ориентаций, массовых настроений и общественного сознания в целом [Libicki, 1995:78]. Здесь речь уже идет о манипулировании сознанием общества, поскольку предлагаемая информация, как правило, носит искаженный характер, а реципиент формирует свое мнение под влиянием внешних факторов. В нашем исследовании семантическая атака такого рода, а именно на уровне лингвистики, соотносится с дискурсивной технологией войны.

С. Н. Плотникова предлагает обобщенное трактование понятия дискурсивной технологии: 1. Дискурсивные технологии являются рефлексивными и являются средствами эффективной коммуникации. 2. Порождение востребованного дискурсивным сообществом единственно возможного в данной ситуации типа дискурса, не допускающего никаких спонтанных вариаций. 3. Реинвестирование имеющегося сценария технологичного дискурса во все новые и новые стандартные ситуации общения. 4. Способ достижения поставленной заказчиком цели и уничтожения параллельных возможностей развития социального мира. 5. Проявление дискурсивной креативности и дискурсивной компетенции современной высокоинтеллектуальной личности [Плотникова 2011: 25-28].

Информационная война, по мнению Г. Г. Почепцова, — «это коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями» [Почепцов 2000: 10]. В результате коммуникативного воздействия изменяется картина мира индивида. Резкое изменение картины мира должно рассматриваться как определенное информационное вторжение, представляющее опасность для получателя [Там же]. Информационную войну можно «трактовать в аспекте „перевода“ с одной картины мира в другую. При этом сообщение, которое проходит процесс этой перекодировки, трансформируется до неузнаваемости» [Почепцов, 2000: 12].

В качестве субъекта информационной войны выступают общности людей — нации, государства, коллективы компаний и пр. Целью воздействия на массовое сознание является «внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [Почепцов, 2000:10]. Человек больше реагирует на искаженные когнитивные схемы у себя в голове, а не на объективную реальность, при этом его поведением руководит не действительность, а заранее заданная схема ее интерпретации [Бедрицкий, 2008:112; Почепцов, 2000:10].

Л.В. Коцюбинская рассматривает понятия информационной войны в когнитивно-прагматическом аспекте. В основе исследуемого понятия лежит метафора, которая как форма мышления играет важную роль в развитии науки. Доказано, что характер метафоры, выбранной для определения того или иного научного понятия, оказывает существенное воздействие на его разработку [Коцюбинская, 2015:96]. Автор определяет информационную войну как «информационные воздействия на общественное сознание с целью внесения изменений в когнитивную структуру, с тем чтобы в дальнейшем получить изменения в поведенческой структуре» [Коцюбинская, 2015:96].

Сам по себе термин «война» предполагает вооруженную борьбу между государствами или народами, между классами внутри государства, но именно война информационная не ведется на полях сражений при помощи военной техники, она осуществляется в «когнитивном пространстве населения планеты с помощью информационных сообщений» [Кучумов, 2007]. Например, в исследовании Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 1990:387-415] показано, как правительство США и поддерживающие его средства массовой информации при помощи специальной системы концептуальных метафор внедряли в сознание американского народа мысль о том, что военные действия США против режима Саддама Хусейна в Ираке этически оправданы. Основной аргумент – это борьба против кровавого тирана, совершившего неспровоцированный акт агрессии против народа Кувейта. Госсекретарь США Джеймс Бейкер представлял Саддама Хусейна как главное препятствие на пути «развития экономической жизни», а президент Джордж Буш говорил, что он «зажал в тиски» экономику США [Будаев, Чудинов 2008: 97-98].

В виду того, что информационная война — это, прежде всего вербальная война [Романова, 2012], война языковых знаков как война дискурсов, Л.Н. Синельникова подчеркивает, что следует говорить именно о дискурсе информационной войны. Предложенное понятие трактуется как дискурс особого вида реагирования на события разного формата и значимости. В дискурсе информационной войны действуют две основные коммуникативные установки: вытеснение (убрать любые аргументы оппонентов) и замещение (заменить своими, придав им максимально убедительную, вызывающую доверие адресата форму). Информационная война сопровождается избыточностью одних новостей и их интерпретаций и игнорированием других. Критерий выбора универсален — ценностные идеологические предпочтения [Синельникова 2014: 96]. В любой кризисный период, будь то революция, мятеж и т.п., политические коммуникации переходят в режим острой информационной войны [Синельникова 2014:95].

Ярким примером может послужить осетино-ингушский конфликт. Обе республики имеют ряд объективных противоречий: проблема территориального сосуществования, вооруженные столкновения, религиозные различия и т.п. Но значительную роль в эскалации данного конфликта играет информационная составляющая. СМИ обеих республик активно формируют «образ врага». Так, ингуши и осетины ежедневно получают новые аргументы для ненависти друг к другу. В результате, подобная ситуация может стать детонатором для очередного этапа вооруженного конфликта [Кучумов, 2007:8]. В ходе анализа такого рода конфликтов учитываются все факторы, влияющие на

общественное сознание людей, а также те аспекты, которые имеют безусловную значимость для идентификации противоборствующих сторон (стиль общения, ключевые слова, фразы и т.д.). Речь идет о дискурсивных технологиях войны, посредством которых осуществляется мощнейшее идеологическое воздействие на массовое психическое сознание, внедрение соответствующих установок, которые в любое время могут быть активированы манипуляторами. Таким образом, дискурсивная технология войны представляет собой один из методов ведения информационной войны (наряду с такими методами как радиоэлектронные, программно-технические и т.д.). На этом основании мы соотносим понятия дискурсивной технологии войны и информационной войны как частное и общее.

Список литературы

1. Бедрицкий А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США / под общ. ред. д-ра ист. наук Е. М. Кожокина ; Рос. ин-т стратег. исслед. — М.: РИСИ, 2008. — 187с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. — М.: Флинта, Наука, 2008.
3. Коцюбинская Л. В. Когнитивные структуры английских фразеологических единиц латинского и французского происхождения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2004. С. 93-96.
4. Кучумов Д. О. Семантический анализ информационной войны в политике (на примере осетино-ингушского конфликта) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Ростов н/Д, 2007. — 159с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 387-415.
6. Панарин И. Н. Информационная война и власть. — М.: Мир безопасности, 2001. — 223с.
7. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе. Иркутск: ИГЛУ, 2011. — С. 6-43.
8. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. - М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. — 576с.
9. Почепцов Г. Г. Психологические войны. — М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. — 528с.
10. Романова Т. В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. — М.: Изд-во МГУ, 2012. Т. 62. № 2. С. 56—68.
11. Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: Украинский вектор // Политическая лингвистика. — 2014. - №2. — С. 95-101.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ
АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Панасюк И.В.

Санкт-Петербургский государственный университет г. Санкт-Петербург

Интерес лингвистов к проблеме функционирования аллюзивных имен в текстах разного типа постоянно возрастает. Одним их ведущих направлений является изучение семантической многогранности многих аллюзивных имен, позволяющей в разных контекстах реализовать разные аллюзивные признаки. Активно исследуются аллюзии в творчестве конкретных авторов (2), а также прослеживаются тенденции использования аллюзивных имен в современной художественной литературе (3).

Сравнительно менее изученным остается вопрос о специфических языковых формах выражения аллюзии в том или ином языке. В исследовании реализации аллюзий на материале современной англоязычной литературы, проведенном А.Л.Габдрахмановой, убедительно показана необходимость разграничения таких понятий как микро- и макроконтекст реализации аллюзивной единицы (1).

Настоящее исследование направлено на изучение лингвостилистических особенностей реализации аллюзивных имен как элементов микроконтекста, а именно, в структуре аллюзивных тропов: сравнения, эпитета и метафорической антономасии (переименования).

Рассмотрим результаты исследования по основным тропам, в состав которых входят аллюзивные имена на материале современных произведений британских авторов. По частоте встречаемости в художественных текстах тропы распределились следующим образом: чаще всего аллюзивные имена реализуются в сравнениях, значительно реже как эпитеты или как метафоры (переименования).

1. Аллюзивные сравнения.

Наиболее распространенным типом контекстуальной реализации аллюзивных имен в составе сравнения в нашем материале является компаративная структура с элементом like, при этом преобладают нераспространенные словосочетания like+аллюзивное имя.

1.1 Like+нераспространенное аллюзивное имя: 1. A couple of hours in Canada and I was already talking like Humphrey Bogart (4, с.33). 2. I could tell already that he was a man of few words. Rather like Gary Cooper (4, с.70). 3. She was sitting like Humpty Dumpty ..., kicking her heels (4, 137). 4. I was suddenly yearning like the Cheddar Gorge... (4, с.48)

Из примеров 1-4 видно, что предметом сравнения является манера поведения человека – то как он (она) говорит, сидит, зевает, а целью – аллюзивное имя, варьирующее от имен реальных людей (1, 2) и литературных персонажей (3) до топонимов, позволяющих создать метафорическую гиперболу(4).

1.2 Like+ «распространенное» аллюзивное имя: 5. «Don't you think you might be being a bit, well, melodramatic about all this? You make her sound like some tragic Thomas Hardy heroine» (5, с.258)

1.3 As + прилагательное/наречие +as +аллюзивное имя: 6. “She's only been here a year and she's already as rich as Croesus” (4, с.65). В данном примере реализуется устойчивое сравнение – аллюзия на несметные богатства последнего властителя Лидии (6 век до нашей эры). 7. ...my internal censor snipped my thread of memory as easily as Atropos, that dreadful third sister of the Fates, is said to snip the thread of life with her scissors when our time has come to die (4, с.9). В отличие от примера 6, в сравнении 7 используется достаточно редко встречающееся имя последней из трех сестер, предопределяющих судьбу человека, которая обрывает нить его жизни. Для того, чтобы сделать аллюзию более понятной для читателя, автор дает полное описание ее действий.

1.4 As + аллюзивное имя: 8. It was like falling asleep and awakening as Alice in *Through the Looking-Glass*. Everything was larger than life and everyone drove on the wrong side of the road (4, с.21)

1.5 As+аллюзивное имя, вводящее придаточное сравнительное предложение: 9. For some reason I felt as Jack must have felt when, having climbed the beanstalk, he was forced to hide out, barely breathing, in the giant's kitchen cupboard (4, с.196). В примере 9 героиня, двенадцатилетняя девочка, от имени которой ведется повествование, сравнивает свои ощущения с ощущениями персонажа сказки «Джек и бобовое зернышко», которые, в ее представлении, он переживал, очутившись в доме великана. Модально-перфектная форма сказуемого подчеркивает гипотетичность сравнения.

1.6 as if + аллюзивное имя: 10. “Agh”, Gremly said with a guttural gurgle, as if she were handmaiden to Dr Frankenstein (4, с.85). Нельзя не отметить, что в примере 10 дается «ошибочная» аллюзия на имя доктора Франкенштейна из одноименного произведения Мэри Шелли как на чудовище, которое он сам и создал. Это достаточно распространенное явление – отождествление сотворенного чудовища и ставшего чудовищем его творца.

1.7 that (который) + аллюзивное имя: 11. From a small glass cupboard between the windows, she selected a tentlike cotton nightgown that might have been worn by Wendy in *Peter Pan* (4, с.203). 12. “What is the meaning of this?” She said it in the same, slow, cold, slippery, sinister tones that the snake must have used when speaking to Eve in the Garden of Eden (4, с.145) 13. It was the kind of bear-trap question that her beloved Sigmund Freud would have asked (4, с.188). В примерах 11-13 присутствуют элементы гипотетической, нереальной модальности, выраженной глагольным и формами «модальный глагол+перфектный инфинитив».

1.8 if + аллюзивное имя: 14. If I could manage to raise the pH of his arterial blood to 7.65, he would not stand the chance of a snowman in Hades (4, с.8).

1.9 Имплицитное сравнение, не содержащее компаративных маркеров, которое выражается лексически, например, с помощью глаголов со значением «походить», «напоминать» и т.п. : 15. She reminded me a great deal of the young chorus girl Audrey Hepburn whom Aunt Felicity had pointed out when she took us as a rare treat to a West End theatre(4, с.164).

2. Аллюзивные эпитеты.

2.1 Аллюзивные эпитеты, выраженные существительными: 16. Oh, and the look she’s giving him: blindingly bright, stupidly in love. Princess Diana cow eyes (6, с.24). 17. ...the best you could hope for was to fall in love with your stepchild, which was easier if it was a Mark-Lester-in-*Oliver* lookalike... (6, с.166).18. Her Bridget Jones knickers were holding her tummy in... (6, с.95). Можно видеть, что в качестве эпитетов выступают имена реальных лиц (16, 17), а также и вымышленные персонажи (18) – Бриджет Джоунс, героиня романа Хелен Филдинг, ставшая знаменитостью после выхода на экран одноименного фильма. С точки зрения их структуры эпитеты представляют собой либо немодифицированное аллюзивное имя, либо голофрастическое образование, в котором имя соединено с другим именем - названием фильма (17). Сравнительно редко встречаются эпитеты, выраженные of-phrase:19. It didn’t take the brains of Sherlock Holmes to deduce that this bruiser had been drinking behind the boilers (4,с. 268).

2.2 Аллюзивные эпитеты, выраженные отыменными прилагательными: 20. Then the temperature plunged to Siberian-type numbers...(5,с.170).21.”Was Junoesque a good way to describe it (her figure –И.П.)?”(6,с.268). Этот способ передачи аллюзии встречается значительно реже, чем сравнение, но можно отметить тенденцию к его распространению.

3. Аллюзивные метафоры (метафорическое переименование)

Довольно распространенным типом реализации аллюзии является так называемая метафорическая антономасия, или переименование реального лица с помощью

перенесения на него имени знаменитого человека или литературного персонажа: 22. These women captured the hearts of the best men, the good-looking, charming, heroic ones. Ken to their Barbie contours, Prince Charming to their Cinderella, Richard Gere to their Julia Roberts (6, с.447). В примере 22 автор использует три парные аллюзии для усиления мысли о том, что красивые женщины обязательно найдут себе достойную пару. Использование притяжательного местоимения *their* перед женским аллюзивным именем позволяет «перенести» имена этих знаменитостей на реальных женщин, «переименовать» их, тем самым придавая им статус аллюзивной личности. 23. «I'm married to Don Juan but holding on to girlish hope even though it flies in the face of all reason. You're married to Mr bloody Darcy, and you're not happy either (6, с.59). В примере 23 мы видим два типа переименования: немодифицированное (*Don Juan*) и модифицированное, со вставным эпитетом отрицательной оценки *bloody* (*Mr bloody Darcy*). В примерах 24-25 нереальность, гиперболичность переименования подчеркивается использованием глаголов в сослагательном наклонении. 24. *Feigning stupidity was one of my specialties. If stupidity was theoretical physics, then I would be Albert Einstein* (4, с.161). 25. *I would leap off the train at the next stop, I decided. I would swim to one of the hidden islands where I would become a modern Robinson Crusoe* (4, с.23).

Таким образом, проведенный лингвостилистический анализ позволил сделать некоторые выводы о характере контекстуальных реализаций именных аллюзий в текстах современной британской прозы. Во-первых, можно отметить количественное преобладание аллюзивных сравнительных конструкций, отличающихся большим разнообразием языкового выражения, над эпитетами и метафорическими переименованиями. Во-вторых, во всех исследованных микроконтекстах введению аллюзивной единицы в текст часто сопутствует гипотетическая модальность, что согласуется с самой природой аллюзии как гиперболизированного уподобления реального «простого» человека или события фигуре или явлению значительно более крупного масштаба.

Список литературы

1. Габдрахманова А.Л. Контекстуальная реализация аллюзии в англоязычной прозе. ВКР бакалавра лингвистики, кафедра английской филологии и лингвокультурологии (научный руководитель - к.ф.н., доц.И.В.Панасюк), СПбГУ, 2015, 85 с.
2. Гарифуллина А.М. Культурологическая маркированность аллюзий в художественном дискурсе Д.Фаулза. Канд.дис.филолог.наук, Уфа, 2010, 179 с.

3. Панасюк И.В. Аллюзия в современной британской прозе.// Англистика XXI века. Сборник статей по материалам У111 научно-методической конференции, посвященной памяти профессора С.В.Воронина.20-22 января 2016, СПб, 2016, сс.126-130.
4. Bradbury A. As Chimney Sweepers Come to Dust. London, 2015, 409 pp.
5. Johnson M. Afternoon Tea at the Sunflower Café. London, 2015, 513 pp.
6. Noble E. The Reading Group. London, 2004, 466 pp.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ВЕТЕРИНАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Чупракова О.В.

ст. преподаватель,

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии
им. К.И.Скрябина

В настоящее время овладение иностранным языком является обязательным в процессе профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля. Процесс обучения студентов английскому языку в неязыковом вузе представляет собой формирование умения читать, извлекать информацию из иностранной литературы по специальности и общаться в рамках этой специальности.

Требования к обучению студентов определены типовой программой по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей. Продолжительность курса обучения иностранному языку для вузов неязыковых специальностей составляет в среднем полтора – два года. Объем языкового материала и количество аудиторных часов (включая консультации) определяется каждым конкретным вузом в зависимости от задач профессиональной подготовки студентов и конкретных условий учебного заведения.

Одной из задач в процессе обучения является развитие у студентов навыков и умений письменного перевода с английского языка на русский оригинальных научно-технических текстов, расширение их словарной базы.

Трудностей при осуществлении научно- технического перевода существует много. В данной работе хотелось бы остановиться на тех, которые, с точки зрения автора статьи, являются наиболее часто встречающимися на II этапе/курсе обучения иностранному языку в неязыковых вузах (на примере ветеринарной тематики), когда

умение сделать технический перевод текста определенного объема по специальности становится обязательным для получения зачетной (экзаменационной) оценки. Среди таких сложностей можно выделить лексические, грамматические и стилистические.

К лексическим относятся, прежде всего, разнообразные сокращения и огромное количество специальных терминов. В случае с общепринятыми сокращениями представляется целесообразным предоставить их список на одном из первых вводных занятий.

К таким сокращениям относятся:

etc – (et cetera) and so on – и так далее;

e.g. – (exempli gratia) for example, for instance –например;

i.e. – (id est) this means –то есть;

viz. - (videlicet) namely – а именно;

per se – сам по себе, по существу;

via – посредством;

per — в, на, по, через (предлог),

а также аббревиатуры единиц измерения, характерные для английского языка:

in(s) (‘‘) – inch(es) (1in = 2,54 cm) – дюйм;

ft (‘) – foot/feet (1 ft = 0,3048m);

lb(s) - (libra) pound(s) weight (1lb = 0,454 kg) – фунт (весовой);

Для закрепления последних можно рекомендовать несложные и достаточно эффективные упражнения по переводу собственных веса и роста (а также веса и роста своих знакомых) из международной системы измерения в англо-американскую и наоборот.

Слова, относящиеся к специальной терминологии, можно условно разделить на две группы (по принципу узнаваемости). Первая – это технические термины, пришедшие в русский язык из иностранных языков, и звучащие фонетически схоже со своими оригиналами. Их перевод обычно не вызывает сложностей. Например:

pathogen - патоген;

selection - селекция;

virulence – вирулентность.

В данном случае речь не идет о так называемых «ложных друзьях переводчика» и опасности буквального перевода, как например, a decade – десятилетие, (а не декада).

Другая группа терминов состоит не из столь «говорящих сами за себя» слов. Поэтому необходимо обратить внимание студентов на особую важность выбора

правильного значения для многофункциональных слов. Определенную сложность представляют слова, часто употребляемые в разговорной речи. Например:

a bed – кровать и дно моря, геологический слой;

fine – прекрасный и тонкий (по размеру), точный, в качестве существительного – штраф;

a pupil – ученик и зрачок; и т.д.

Крайне важно донести до учащихся мысль о необходимости внимательного просмотра всех значений таких слов в словаре, чтобы избежать неточностей или ошибки при переводе.

Также характерными для научных текстов являются такие термины как ‘the former’ - первое из вышеупомянутого, ‘the latter’ - последнее из вышеупомянутого. Например:

Two syndromes, chronic pulmonary histoplasmosis and fibrosing mediastinitis, have not been reported in animals. The former occurs mostly in humans with emphysema. – Не сообщалось о проявлениях двух синдромов, хронического легочного гистоплазмоза и фиброзного медиастинита, у животных. Первый из упомянутых в основном встречается у людей с эмфиземой.

Эти слова также можно добавить в качестве общей лексики (вместе с аббревиатурами) на вводном занятии.

Часто у студентов возникают сложности при переводе предложений, содержащих такие слова как to follow, to substitute. Например:

While shock seldom results from blood loss, it may follow the marked anxiety. - В то время как шок редко возникает в результате потери крови, он может наступить после ярко выраженного приступа страха. При переводе этого слова студенты путают последовательность действий, что коренным образом меняет смысл предложения.

На эти слова стоит обратить особое внимание учащихся.

Говоря о сложностях, связанных с грамматикой английского предложения, на первое место хотелось бы поставить проблемы, возникающие при выделении основы предложения – подлежащего и сказуемого. Это, кажущееся простым действие, на практике является одной из основных причин неправильного перевода всей фразы. Определение подлежащего происходит легче. Закрепленное в сознании учащихся еще со школы правило построения английской фразы «с подлежащим на первом месте» очень помогает в этом. Некоторые сложности возникают чаще всего, если оно выражено «инговой» формой глагола. Например:

Making a diagnosis of feline IBD requires an extensive work up. – Диагностирование воспалительного заболевания кишечника у кошек требует обширного исследования. В подобных случаях в качестве подлежащего может быть воспринято слово, находящееся непосредственно перед «явным» сказуемым.

Гораздо труднее происходит «поиск» сказуемого. Система времен английского глагола, при всей своей логичности, достаточно громоздка, но особую сложность вызывает схожесть второй и третьей форм глагола. Особенно это создает трудности в случаях, когда неличные глагольные формы, третья и четвертая, следуют сразу за подлежащим.

Например: *Any pathological process accompanied by the destruction of kidney tissue, can lead to chronic renal failure.* - Любой патологический процесс, сопровождаемый разрушением тканей почки, может привести к хронической почечной недостаточности. Слово «accompanied», являющееся в данном случае неличной глагольной формой Past Participle, воспринимается как самостоятельный глагол, и студент может перевести его как сказуемое, выраженное глаголом в прошедшем времени. Или когда в предложении содержится несколько глагольных форм. Например:

Baker, 1942 reported a number of atypical pneumonia cases in humans exposed to cats infected with chlamydial disease. – В 1942 году Бейкер сообщил о ряде случаев атипичной пневмонии у людей, контактировавших с кошками, зараженными хламидиями. Перевод данной фразы осложнен отсутствием в английском предложении обязательных для русского варианта запятых, обособляющих причастные обороты. Эта особенность английской пунктуации также не всегда принимается во внимание студентами. Поэтому закрепление у студентов навыков: «прочитал предложение – найди подлежащее и сказуемое» и умение различать разные формы английского глагола являются очень важным.

В английском языке существует много сложных грамматических конструкций и оборотов. Но некоторые из них, как показывает практика, вызывают большее количество ошибок при переводе и нуждаются в особом внимании. Одним из таких «камней преткновения» является часто употребляемая в научной литературе конструкция «Nominative with the Infinitive» (Complex Subject) – оборот «Субъектный падеж с инфинитивом» (Сложное подлежащее). Частота употребления таких предложений связана с тем, что они выражают мнение (суждение или предположение) группы неопределенных лиц о каком-то факте или понятии, что является характерным для научной речи. Конструкция представляет собой сочетание существительного в общем падеже или личного местоимения в именительном падеже, выполняющего в предложении функцию

подлежащего, с инфинитивом. Особенность этой конструкции в том, что она не выступает как единый член предложения. При переводе на русский язык простое английское предложение чаще всего становится сложноподчиненным. Сказуемое переводится неопределенно-личным оборотом, играющим роль главного предложения, за которым следует придаточное предложение с союзом *что*. Именная часть конструкции становится подлежащим этого придаточного предложения, а инфинитив представляет собой часть составного глагольного сказуемого. Кроме того, в качестве сказуемого может выступать определенная группа глаголов (как в активной, так и в пассивной форме), что также требует внимания.

В английском варианте – это простое предложение, в котором после сказуемого следует инфинитив с частицей *to*, *что*, на первый взгляд, не вызывает у студентов при переводе желания задуматься и они пытаются перевести эту часть привычной неопределенной формой глагола. В зависимости от сложности предложения возможны два основных типа ошибочного перевода. Это либо очень плохо звучащая по-русски фраза, (чаще всего это так называемый дословный перевод), либо, что гораздо серьезнее, искажение или потеря смысла предложения.

Например:

The antibodies are supposed to protect the cat. – Один из возможных переводов студентов: Антитела считается/предполагается защищать кошку. Вместо того, чтобы перевести: Предполагается/подразумевается, что антитела защищают кошку. Или

In South Asia, infection of people appears to occur by indirect means from the reservoir fruit bats. – В южной Азии заражение людей происходит, по-видимому, непрямым способом от крыланов, обитающих в водоемах. Или:

This effect was recently considered to create a new type of biosensor. – В последнее время считалось, что этот эффект создает новый тип биосенсора. Как показала практика, перевод последних двух предложений вызвал очень большие затруднения. Поэтому представляется необходимым уделить этой конструкции достаточное внимание.

Как правило, студенты приступают к практике обучения техническому переводу, уже имея определенный уровень владения английским языком. Кроме того, сам процесс обучения в высшем учебном заведении подразумевает большой объем самостоятельной работы. Но процесс перевода специализированного текста на другой язык с сохранением его смысловой целостности для студентов неязыковых вузов является задачей повышенной сложности. Поэтому выделение преподавателем наиболее типичных, с одной стороны, и сложных и требующих особого внимания направлений, с другой,

позволит студентам более осознанно подойти к процессу выполнения перевода и сделает его более эффективным.

Список литературы

1. Бархударов Л.С., Жукова Ю.И., Квасюк И.В., Швейцер А.Д. Пособие по переводу технической литературы. Английский язык. – М.: Высш. шк., – 284 с.
2. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. – М., Юнвес Лист, 1997
3. Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. – М., Просвещение, 1982

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАВАЙСКОГО АНГЛИЙСКОГО КРЕОЛЯ)

Крылова И.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена,
г. Санкт-Петербург

Синергетика как междисциплинарное научное направление возникла в 60-х гг. XX в. Она ставит своей главной задачей изучение общих принципов и механизмов самоорганизации и саморазвития, а также катастрофических ситуаций в сложных системах, в том числе и социальных [6, с. 6].

Синергетика альтернативна классической ньютоновской картине мира, которая в лингвистике нашла свое отражение в классических работах по структурной лингвистике, в

частности в трудах Л. Ельмслева [3], Н. Хомского [9] и др. Согласно классическому представлению, мир жестко связан причинно-следственными связями и вследствие этого статичен или, во всяком случае, трудно изменяем. Классический, традиционный подход к описанию сложных систем согласно этой картине основывался на представлении, по которому результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий.

Случайность тщательно изгонялась ньютонизмом из разных научных теорий. Неравновесность и неустойчивость воспринимались с позиции классического разума как досадные неприятности, которые должны быть преодолены, они оценивались как нечто негативное, разрушительное, сбивающее систему с «правильной» траектории [ср. 8, с. 248].

Одновременно развитие, если оно и признается ньютонистами, понимается как поступательное, безальтернативное движение. Если и есть альтернативы, то они рассматриваются как всего лишь случайные отклонения от магистрального течения, подчиненные этому течению, которое определяется объективными законами универсума. Все альтернативы, в конечном счете, по мнению «ньютоновской» концепции, вливаются и поглощаются главным течением событий.

С точки зрения синергетики мир не связан жесткими связями, не статичен, а подвергается постоянному внешнему воздействию, в результате чего сложные системы как живой, так и неживой материи постоянно изменяются, и не всегда можно предугадать их дальнейший путь развития [4].

Что касается лингвистики, то идеи синергетики стали проникать в лингвистический обиход уже начиная с 70-х гг. XX века. Особый интерес в этом плане, наряду с вопросами скачкообразных изменений системы языка (системной диахронии), представляют ситуации превращения пиджинов в креоли, где лингво-синергетический феномен относится к глубинным, не наблюдаемым непосредственно явлениям [5]. Здесь одно из проявлений синергетического феномена можно искать в преобразовании «мягких» (хаотических) состояний пиджинов в «полужесткие» системы креолей. Темп изменения языковых систем измеряется обычно веками, а иногда и тысячелетиями. Преобразование же пиджинов, обычно не имеющих ощутимой грамматической организации, в креоли с их достаточно жесткой грамматикой происходит в обозримый период – в течение трех – пяти поколений [2; 7; 10]. Быстрый темп процессов, происходящих в этих языках, дает возможность языковедам прямо наблюдать процессы пиджинизации и креолизации и изучать изнутри диахронические изменения и превращение языка-лексификатора в пиджин, а затем в новый креоль. Эта ситуация, характеризующаяся большой

вариативностью, позволяет установить схему синергетических процессов и дает достаточно разнообразный и богатый материал для изучения глубинных механизмов развития языка.

Рассмотрим синергетическую модель возникновения и развития пиджинов и креолей [5, с. 7]. Схему следует рассматривать как исходное гипотетическое построение, моделирующее весь процесс образования креолей.

Предположим, что имеется некая устойчивая система, например, доминантный язык-лексификатор (в нашем случае – английский язык колонизаторов на плантациях Гавайев). Эта система, навязываемая иноязычным рабам или наёмным рабочим, начинает деформироваться и терять свою целостность под воздействием внешних флуктуаций. Такими флуктуациями является искаженное, аграмматическое использование лексики доминантного языка (в просторечии – «коверкание») со стороны носителей далеко родственных или неродственных языков рабов или наёмных рабочих (на Гавайях это были гавайцы, китайцы, португальцы и японцы). В итоге возникает самопроизвольно и хаотически формирующаяся зона неравновесного лингвистического состояния языка-лексификатора. В нашем случае – это расширенный пиджин, а именно гавайский английский пиджин.

Далее эта сложная система может перейти в состояние дезингрессии (термин ввел А.А. Богданов [1, с. 161]), т.е. полной деформации. Иными словами, пиджин может выйти из употребления, т.е. прекратить свое существование как средство общения.

Однако синергетическая модель предусматривает и другой вариант развития сложной системы. Из состояния хаоса система может перейти в новое устойчивое состояние или состояния [5, с. 7–17]. Что касается нашей лингвистической ситуации, пиджин, расширяя сферу своего обращения, превратился через нативизацию в самостоятельный креоль, т.е. гавайский английский креоль.

На этом развитие креоля не обязательно должно прекратиться. Перейдя в состояние устойчивой системы, он может подвергнуться новым внешним воздействиям, но уже со стороны прежнего языка-лексификатора (в ситуации на Гавайях это американский вариант английского языка). В результате он может перейти в состояние неустойчивой системы, выражающейся в ситуации посткреольского континуума. Возможно несколько вариантов выхода из этого неустойчивого состояния. Во-первых, это утрата креоля в результате его поглощения доминирующим в обществе языком-лексификатором. Во-вторых, это превращение креоля в вариант или диалект языка-лексификатора. В-третьих, это полная победа креоля над прежним языком-лексификатором, а именно официальное

признание креоля государственным языком и превращение его в креольский язык, что произошло, например, на Гаити.

Список литературы

1. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Л.И. Абалкин [и др.]. М.: Экономика, 1989. 304 с.
2. Дьячков М.В. Общие закономерности пиджинизации и креолизации языков (на материале англо-, франко- и португалокреольских языков) : автореф. ... докт. филол. наук : 10.02.20 – срав.-истор., типологич. и сопоставит. языкозн. и теория перевода. АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1986. 31 с.
3. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика / ред.-сост. В.Д. Мазо. М.: Прогресс, 1999. Т. 1: Новое в лингвистике : избр. / пер. с англ. Ю.К. Лекомцева; общ. ред. В.А. Звегинцева, Н.С. Чемоданова. С. 131–256.
4. Котельников Г.А. Теоретические основы синергетики : учеб. пособие для студентов и аспирантов вузов. Междунар. акад. информатизации, Белгор. гос. технол. акад. строит. материалов., Каф. социол. Белгород: БелГТАСМ, 1998. 126 с.
5. Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика : исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 160 с.
6. Хакен Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. Ю.Л. Климонтовича. М.: Мир, 1980. 419 с.
7. Холл мл. Р.А. Креольские языки и «генеалогическое родство» // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. VI. С. 493–500.
8. Хомский Н. Объяснительные модели в лингвистике // Математическая логика и её применения / пер. с англ. М.В. Рыбаковой; под ред. Э. Нагела, П. Саппса и А. Тарского. М. : Мир, 1965. С. 245–272.
9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ. Б.Ю. Городецкого; под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1972. 259 с.
10. Kaye A.S. Pidgin and Creole Languages: a Basic Introduction. Muenchen: Lincom Europa, 2003. 130 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕКЛАМЫ

В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ

Рыбочкина Ю.Л., Титова Г.А.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орёл

В настоящее время трудно найти этническую общность, которая не испытала бы на себе воздействие других культур. Тенденция культурной глобализации особенно обостряет интерес к культурной самобытности, и каждая национальная культура стремится сохранить и развить свою целостность и культурную идентичность. Тенденция осознания и сохранения собственной неповторимости, культурной традиции подтверждает общую закономерность – человечество, становясь, все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего этнического многообразия, а, напротив, всеми силами пытается сохранить национальную целостность – особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей [Гачев 1998: 17].

В лингвистике и психолингвистике сложилась традиция изучения национально-культурной специфики в языке и речевой деятельности. В большинстве случаев эти исследования касаются лексики различных языков. В данной статье мы попытаемся показать, как на уровне рекламного текста отражаются национально-культурные ценности народа, его создавшего.

Национально-культурная специфика речевого общения, по мнению А.А. Леонтьева, формируется под влиянием системы факторов, действующих на разных уровнях организации процессов общения и имеющих разную природу. Это факторы, связанные с культурной традицией; социальной ситуацией и социальными функциями общения. Они соотносятся с функциональными модификациями и особенностями, а также с этикетными формами, этнопсихологией в узком смысле, т.е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности [Леонтьев 1997: 191-192].

Несовпадение в разных культурах условий при включении в универсальную структуру деятельности способствуют созданию национально-культурных вариантов осуществления идентичных деятельностей. Национально-культурная специфика деятельностей проявляется в социально одобренных в данной локальной культуре стандартных способах совершения действий [Марковина 1983: 189].

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, относят как устойчивые элементы культуры, а также обычаи и обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований: быт, бытовую культуру, связанные с традициями; повседневное поведение (привычки), мимический и пантомимический коды, используемые некоторой лингвокультурной общностью; национальные картины мира, отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления носителей некоторой культуры, и т.д.

Д.О. Добровольский отмечает, что духовное присвоение действительности происходит под воздействием родного языка, так как мы можем мыслить о мире только в выражениях этого языка и его концептов. Следовательно, разные языковые сообщества, используя различные инструменты концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур [Добровольский 1997: 40].

В основе наших мыслей, переживаний и действий лежат так называемые ценностные ориентации. Они передаются в процессе социализации (от одного поколения к другому), причём в рамках одного социального поколения возможны изменения [Maletzke 1996: 128]. Ценностные ориентации представляют собой культурный структурный элемент, они пронизывают всю человеческую сущность. По мнению ряда учёных (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, И.М. Попов, А.А. Табунс, В.А. Ядов) основной функцией ценностных ориентаций является регулирование поведения человека как осознанного действия в определённых социальных условиях. В рамках каждого общества постепенно формируются определённые ценности: отношение общества к жизни, смерти, здоровью, богатству, нормы поведения человека в обществе и взаимодействия с другими людьми, социальный и культурный контекст взаимодействия человека с окружающим миром и т.д. Видение человеком окружающего мира находит отражение в текстах, создаваемых в том или ином обществе, что актуально в первую очередь для текстов массовой коммуникации. Именно массовая коммуникация способствует распространению сообщения через масс-медиа, вследствие чего сообщения воспринимаются, осмысливаются, используются на практике и воздействуют на аудиторию [Littlejohn 1999: 327]. Одним из важнейших типов текста массовой коммуникации является рекламное объявление, которое наиболее однозначно, хотя иногда и примитивно передают шкалу ценностей нации [Анисимова 2000: 7].

Принято считать, что характерной чертой немецкой рекламы длительное время оставалась её рациональность. Д. Хегарти отмечает, что немецкая реклама склонна к рациональности, она целит больше в голову, чем в сердце. Ведь потребителя чаще

интересует лишь конкретная информация по тому или иному продукту, поэтому в рекламных объявлениях просто сообщается о свойствах товара, например, в рекламе радио-термометра:

Schönes Wetter schenken! Funk - Thermometer und Wetterstationen von NFA messen zuverlässig das Wetter rund ums Haus.

* Diva Funkwetterstation mit Sender

* Klima- Check für ihre Räume und Luftfeuchtigkeit

* Das bringt der Tag: Wetterprognose und aktuelle Luftdruck

* Was war los: Luftdruckentwicklung der letzten 48 Stunden

* Höhen und Tiefe auf Knopfdruck: maximale und minimale Temperaturen (Stern. – № 48. – 21.11.02 – S. 143)

Во многих европейских странах и, прежде всего в Германии, уделяется большое внимание защите и охране окружающей среды и экологически чистой продукции, что нашло отражение в рекламных объявлениях, например, реклама яблок:

Bio-Äpfel sind so richtig lecker, weil wir der Natur nicht ins Handwerk pfuschen. (Stern. – № 45. – 31.10.02 – S. 137)

В текстах рекламных объявлений при характеристике экологических свойств товара часто используются такие ключевые слова как Vitamin, sauber, naturfreundlich, gesund и т.д., поэтому в рекламе многих лекарственных средств, продуктов питания и косметических средств утверждается, что данный товар содержит исключительно природные компоненты, которые благотворно воздействуют на внешность, поддерживают в человеке жизненный тонус и полезны для здоровья:

Wir können den Geschmack von Alpenmilch nicht verbessern. Aber erhalten.

Saftiges Grass und frische Wiesenkräuter machen unsere Alpenmilch so wertvoll. Dank modernster Technologie wird sie so schonend und behutsam haltbar gemacht, dass die wertvollen Inhaltsstoffe und der pure, unverfälschte Geschmack erhalten bleiben. Реклама молока (Stern. – № 39. – 19.09.02 – S. 8)

Geniesser schätzen seine Ursprünglichkeit. Käse aus der Schweiz. Einer wie keiner. Das saftige Grass, die frische Milch, die traditionelle Herstellung, die liebevolle Pflege und die lange Reife – bei Käse aus der Schweiz gerät jeder ins Schwärmen, der auf ursprünglichen Geschmack steht. Und deshalb schätzen Kenner nicht den naturbelassenen Le Gruyère AOC, sondern alle Käsespezialitäten, welche die Schweizer Natur uns schenkt. Реклама сыра (Stern. – № 22. – 24.05.06 – S. 71)

В европейской культуре несомненными ценностями признаются успешная карьера, материальное обеспечение, высокое положение в обществе. Рекламные тексты

провозглашают, что приобретение того или иного товара может приблизить человека к этой цели. Например, реклама банка:

Sich ganz auf die Karriere konzentrieren. Damit Sie den Kopf für berufliche Erfolge frei haben, gibt es den Sparkassen-Erfolgsplanc-Ihr individuelles Finanzkonzept, das alle Fragen rund ums erste selbst verdiente Geld klärt und dafür sorgt, dass auch auf dem Konto alles wie von selbst läuft. Mehr dazu in Ihrer Geschäftsstelle oder unter www.sparkasse.de. Wenn es um Geld geht – Sparkasse. (Spiegel. – № 28. – 07.07.03 – S. 31)

В немецкой культурной традиции принято положительно оценивать работающего человека. Немцы прославлены в народах как мастера: немец просто органически не может работать плохо... Мастер своего дела исполнен уверенности в своих силах и себе как сотрудник Бога в продолжающемся творении [Гачев 1998: 18, 121]. Категория авторитетности в немецких рекламных текстах, содержащих количественные и качественные характеристики товаров и услуг, часто реализуется в ссылке на авторитетность производителя или успешного клиента, в роли которого обычно выступают люди, пользующиеся уважением и авторитетом. Приверженность традициям также рассматривается как важная ценность, например:

Ein neues Kapitel in der Geschichte der Küche. SieMatic International Style. Seit mehr als 40 Jahren kommen wegweisende Lösungen für die Küche von SieMatic. Jetzt gehen wir wieder einen Schritt weiter. Mit International Style, dem einzigartigen Planungs- und einrichtungskonzept für die Küche und darüber hinaus. Wer seinen Lebensraum frei von Konventionen gestalten möchte, sollte es kennen. Реклама мебели. (Stern № 45 – 31.10.02 – S. 139)

Jetzt denken Sie vielleicht Sie hätten besser hier angefangen zu lesen. Das einzig wahre Warsteiner. Реклама пива. (Stern № 46 – 07.11.02 – S. 184)

Часто рекламные объявления призывают человека присоединиться к числу большинства и выбрать товар, который используют многие миллионы потребителей: Immer mehr Menschen nehmen sich sonntags etwas ganz Besonderes vor. Jetzt sind es schon 1,126 Mio. Ein Perfekter Sonntag. Реклама газеты Frankfurter Allgemeine. (Spiegel № 30 – 21.07.03 – S. 98)

или выбрать свой стиль, выделиться из толпы, подчеркнуть свою индивидуальность:

Geschenke, die nicht jeder macht? Die finde ich bei eBay. Реклама торгового центра. (Stern № 50 – 05.12.02 – S. 66)

Многие исследователи рекламных текстов В. Паккард, В. Нёт, А.Н. Баранова, П.Б. Паршин и др. отмечают, что важнейшим свойством рекламы является её способность усиливать распространение и закрепление в сознании реципиентов определённого

мировосприятия. Ценностные ориентации определённой общности на протяжении длительного промежутка времени не подвергаются значительным изменениям и являются стабильными, возможно их варьирование, когда на определённых этапах становления общества в зависимости от его политического, экономического, культурного уровня развития предпочтение отдаётся той или иной ценностной ориентации. Рекламный текст, являясь частью массовой культуры, отражает её ценности и несёт в себе особенности той общности, в которой был создан.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Россия между Западом и востоком (социокультурная ориентация общества и её отражение в современных рекламных текстах) //Перевод: язык и культура. Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2000.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1998. – 17 с.
3. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 191-192с.
5. Марковина И.Ю. Влияние национальной специфики языка и культуры на процесс межкультурного общения //Речевое общение: проблемы и перспективы. – М.: ИНИОН АН СССР, 1983. – 189с.
6. Ускова Т.А. Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации. Дис. ... канд. филол. Наук.- М.: МГЛУ, 2003. – 214 с.
7. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation (Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen). – Opladen: Westdeutscher Verlag GmbH, 1996. – 226 S.
8. Littlejohn S.W. Theories of Human Communication. N.Y., 1999. с.327.

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

**СЕКЦИЯ №25.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны»**, г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом»**, г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы современных гуманитарных наук»**, г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках»**, г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук»**, г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Современные проблемы гуманитарных наук в мире»**, г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук»**, г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития гуманитарных наук», г. Ростов-на-Дону**

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки в современном мире», г. Уфа**

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы гуманитарных наук», г. Волгоград**

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г. Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

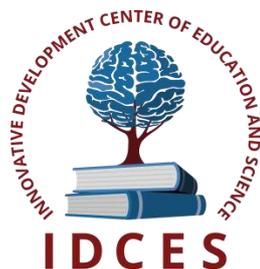
III Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных гуманитарных наук», г. Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Основные проблемы гуманитарных наук

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 октября 2016 г.)**

г. Волгоград

2016 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.10.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,9.
Тираж 250 экз. Заказ № 105.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.